

Татьяна
Трачёва

Литературный конкурс
«Любовь между строк»

Победитель

Литрес

ДНЕВНИК РЫЖЕГО

У солнца тоже есть любимчики

Татьяна Александровна Грачева

Дневник Рыжего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69144439

SelfPub; 2024

Аннотация

Если жизнь больно щёлкает по носу, а душа обрастает циничной бронёй, нужно срочно что-то менять. Причёска уже новая, любимый мужчина оказался слабаком и сбежал в закат, осталось сменить обстановку. Свежий деревенский воздух и новые впечатления – лучшее лекарство. Но стоило Наташе обрести гармонию с собой и победить соседского индюка, как в ленивые солнечные будни ворвалась... чертовщина. Ожили местные легенды, сны стали вещими, обычный чай оказался приворотным зельем. А все началось со старого дневника загадочного Рыжего.

Содержание

1 глава. Дневник, индюк, одиночество	4
2 глава. Сюси-пуси, суслик, слабак	42
3 глава. Нинка, почтальон, тропинка	68
4 глава. Музыка, Зигога, призрак	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Татьяна Грачева

Дневник Рыжего

1 глава. Дневник, индюк, одиночество

Мама часто говорила: некрасивую женщину спасёт косметика и шмотки, а некрасивого мужчину – широкие жесты. А папа добавлял: если у тебя бицуха с голову умного ребёнка и спина как раздувшаяся кобра, то ты лакомый кусочек, даже если рыжий.

А я как бы рыжий. Полностью. Морковная шевелюра и пятнышки ржавчины по всей коже. Маме этот цвет к лицу и делает её яркой, почти вызывающей красоткой, а я просто рыжий. Папа у меня полуклассический качок, регулярно просит пробить прессуху, а по выходным и в гаражах с друзьями пьёт пиво. Его тренажёрка, однозначно, спасла, как-то же он женился на маме? Хотя тут другое. Широкие жесты – это именно то, что он умеет лучше всего. Забраться по водосточной трубе на пятый этаж с ромашкой в зубах? Легко. Приехать среди ночи, просто чтобы сказать «сладких снов» и подарить шоколадку, – да запросто! Всё, что любят девчонки, у папы получается на удивление естественно и, кажется,

не стоит ему никаких усилий. Правда, нельзя не признать, он не оригинальничает, просто слизывает рабочие схемы из сериальчиков. Что поделать, интеллект у нас в семье распределен неравномерно. Маме досталось десять процентов, папе десять, мне столько же, ну а остальные... ну а остальные семьдесят ушли соседу. Сосед нас постоянно выручает, спасибо ему. Как сказала о нашей семье Лопатина: Рыжие – семья придурков. Я, конечно, не согласен, но иногда обидно из-за того, насколько это верно.

Как-то не так я начал. Обычно: здравствуй, дорогой дневник. Зачем вообще пишу? Вот стану знаменитым, и кто-то раскопает мою тетрадь в завалах на барахолке и опубликует. Бывшие одноклассники офигеют. Это же Рыжий, мы с ним учились, а он вон какой, оказывается, глубокий.

Глубокий, ага. Все хотят думать, что они глубокие, цитируют философов, впендюривают высокопарные отрывки из песен. Смотрят задумчиво в окно и фоткают себя в этой позе, будто это не кадр, выставленный на таймере ещё и с пятидесятой попытки, а их привычный ежедневный взгляд.

Нет у меня бицухи, да и одежда не сильно выручает, когда ты рыжий. Это первое, что в тебе видят. Рыжий – смешной, забавный. А с таким именем просто капец, какой забавный, хорошо ещё, что меня Рыжим называют. Больше родители уже не могли мне подгадить. Родили ржавым, да ещё имечко подобрали соответствующее.

Это все Лермонтов со своим «Героем». И мне захотелось

размышлений и славы.

С чего же начать? Малика Андреевна говорила, что нужно писать о том, что реально волнует. Не хочу, чтобы меня называли придурком. Хватит и конопатого. Придурком не хочу. Даже жаль, что за тройки по математике папа меня не лупит, его волнуют только оценки по физкультуре и ОБЖ. Сколько раз он начинал разговор с любимой фразы: «Ну и где теперь эти отличники? Только и могли, что учиться, а жизни не знают». Папа считает, что важнее умение вертеться, а если не получается, то вмазать как следует тому, кто бесит. Хотя бы легче будет, ибо нервам нужна разрядка. А от них все болезни. Вот такая у него философия. Он вообще из тех, кто всё лечит спортом и пивом.

У меня со спортом как-то не сложилось. Ходил на футбол, но недолго. Толку от меня было немного. Бегал туда-сюда, как суетливый заяц, создавал массовку и видимость игры. А вот это всё умение обводить и обескураживать соперника охрененными финтами не про меня. В общем, научился немного набивать мяч, выплёвывать лёгкие после первого тайма, чуток порадовал батю и... бросил.

Зато в набивного во дворе теперь играю почти на равных. Сегодня как раз играли. Я хоть и не Месси, но кое-что могу. Кое-что, но не очень много. Да, по правде говоря, даже до Сани мне далеко, но он у нас звезда. Все умеет. Вот кому следовало стать сыном моего отца.

Когда мы играли в набивного, Лиля сидела на скамейке. Смотрела в нашу сторону, хотя делала вид, что читает. Глазами стреляла и улыбалась. Я, конечно, из всех сил выпендривался, и реально получалось неплохо, если бы Саня не отвлекал своими подколами, может, его бы и догнал. Он это тоже заметил, явно заволновался, что я могу его обойти, начал там что-то лечить про неудобные кроссовки и будто потянул на тренировке ногу, поэтому сегодня не в форме. Да он просто испугался, что при всех опозорится, вот и начал мне мешать. А потом сам стал выпендриваться. Лиля видела, как мяч соскочил с его колена и укатился в палисадник, прямо на любимые цветы Лопаты. Все одновременно замолчали, застыли и обречённо вздохнули, приготовились к прилюдной экзекуции. За эти цветы она нам уши открутит или грязной водой обольёт с пятого этажа. Естественно, внезапно и по закону подлости в самый неподходящий момент. Сане так на первое сентября досталось, а мне – перед Лилей.

Петька, младший брат Сани, ринулся в палисадник. Он не смелый, дурной просто или, как говорит мама, «недоструганный». Ему пока ещё не доставалось от Лопаты. Видимо, по малолетству. С маленькими Галина Георгиевна сюсюкается, а потом непонятно на каком возрасте её переключивает, и она начинает грозить детской комнатой милиции и подкладывать под дверь собачьи какашки. Я не понаслышке знаком со стервозной натурой доброй на вид бабули. За Петьку стало реально страшно. Схватив за шиворот, я остановил его

и перепрыгнул через заборчик. Едва успел перекинуть Сане мяч, как на балконе пятого этажа зашевелилась штора.

– Ах ты ж, рыжий гад! На мои цветы своими копытами! Я сейчас как выйду, мало не покажется. Всё отцу расскажу!

Не могу сказать, что я испугался. Хотя на крики у меня всегда реакция одинаковая. Инстинктивно вжимаю голову в плечи, руки тянутся закрыть уши, ну и щеки пылают. Всегда краснею, и хочется провалиться под землю. Куда-нибудь на границу Китая и Киргизстана. Нет, не страшно, скорее стыдно. Родителям она в любом случае расскажет, только папе плевать. Он сам её не переваривает, а вот мама расстроится. Она любит со всеми дружить. Не переносит, когда о ней плохо говорят за спиной или косо смотрят.

В общем, Петьку я спас. А сам отхватил по полной. Вообще, Галина Георгиевна хоть и бывшая учительница, матерится заковыристо, с фантазией, как портовый грузчик. В папином гараже такое не услышишь. Так хитроумно ругаться умеют только праведные дамы, которые любят читать мораль чужим детям, а родным обещают вымыть с мылом рот.

Облаянный и оплёванный с ощущением, что у меня горит вся башка, как у призрачного гонщика, я выбрался из палисадника и поймал взгляд Лили. Бесспорно, влюбленность мою фантазию приукрашивает, но она стопроцентно смотрела на меня с восхищением. За то, что я Петьку спас от Лопаты. Блин, какое это чувство непередаваемое! Лиля восхищалась мной за доброе дело. Да я готов хоть каждый день

снимать кошаков с тополиных макушек и подставляться под гнев Галины Георгиевны, лишь бы она на меня так снова посмотрела. Не зря говорят: любовь делает человека лучше. Меня точно делает.

Блин. Отвлекли. Мама попросила помочь. Продолжу. Пока чистил картошку, додумался до мысли, что мне не нравится то, что я способен на добро, когда на меня смотрит Лиля. Получается, я его сделал, чтобы получить в благодарность этот взгляд? Значит, так просто на безвозмездное добро без свидетелей я не способен? Мерзко от самого себя. Никому не покажу этот дневник, фиг с ней, со славой. Продажная я душонка. Где-то читал фразу: «делай добро и бросай его в воду¹». Позор хвастать своими хорошими делами.

И всё равно приятно, что Лиля на меня так смотрела. Оказывается, не кубиками Рубика на пузе её можно завоевать и не мосяндрой на школьной доске почёта. Хотя чего я удивляюсь? Лиля хорошая, добрая, вот и ценит в людях эти же качества. Сколько я уже в неё влюблен? Кажется, вечность, словно и не было дней, когда я о ней не думал, а на самом деле лет восемь. Нет, семь.

В садике мы были в разных группах. Да и на девочек я не смотрел. Какие девочки, когда есть черепашки-ниндзя? Я каждый люк простукивал, надеялся, что мне ответят и возьмут в свою команду. Я даже имя себе новое придумал, черепашьё – Тициан. А позже узнал, что он был большим люби-

¹ Фраза из мультфильма «Ух ты, говорящая рыба».

телем золотистых оттенков. Рыжих, проще говоря. Рыжий – это прямо моя судьба.

С Лилей же познакомился, когда пошёл в школу, но не в самой школе. Мама давала на дому уроки музыки, и родители Лили решили ограничить её талант. Бедная Лиля, стен музыкалки им показалось мало.

Хорошо помню тот момент. Ещё было тепло, даже жарко, в открытое окно вливались звуки улицы: скрип автомобильных шин, лай собак и ор Лопаты, но музыка всё равно играла громче. Мама исполняла на пианино заглавную песню из оперы «Юнона и авось». Правда, мелодия звучала фоном, как саундтрек к моей жизни, я же видел только Лилю. Какая она необыкновенная! Никого красивее её я не видел... никогда. Помню, в детстве хотел жениться на маме, позже влюбился в ведущую прогноза погоды. А потом со мной случилась Лиля. Так что точно могу сказать: Лиля – моя первая любовь. И надеюсь, последняя.

Сейчас же девочка с косичками превратилась в настоящую красавицу. И это, к сожалению, заметил Саня. А я в красавца не превратился и не перестал быть рыжим.

Наташа резко захлопнула дневник и прислушалась. Снова этот истеричный клекот! Она так зачиталась, что не заметила, как к ней подкрался индюк. Что вообще за существо такое мерзопакостное? Разве индюки бродят, словно одинокие волки и охотятся на людей? Этот явно хищный, как овеч-

ка Долли. Агрессивный и злопамятный. Чей вообще этот гадёныш? Не лесная птица, чтобы гулять на воле. И почему вообще он её невзлюбил? Устроил ей инфаркт и бег с препятствиями вокруг дома. Наташа впервые видела индюка так близко вживую. Он оказался мерзкой тварью с красной соплём на носу и неживчивым характером.

Клекот прозвучал громче. Наташа запрыгнула на деревянный стол, стилизованный под большой пень и, выставив дневник, как щит, оглядела двор. Предыдущие хозяева как-то странно за ним ухаживали. Культурные, редкой расцветки розы соседствовали с чистотелом, а увитый растениями забор частично скрывала буйно разросшаяся крапива. Аккуратный, изумрудный газон местами вспарывали самые обычные сорняки. Причем иногда именно сорняки росли рядами, будто их нарочно так насеяли, а цветы – кое-как, с боем отвоевав себе право погреться под солнцем. Хаотично ухоженный двор. Именно так она делала уборку – сначала бросалась на пыль с остервенелым энтузиазмом и драила до идеальной чистоты всё, что попадалось под руку, но через полчаса лениво елозила тряпкой и едва проходила пылесосом. Вот и тут наблюдались приступы садоводства, которые случались довольно часто, но и проходили быстро.

Судя по шорохам и клекоту, индюк фланировал где-то за крапивой. Не приближался, но и не уходил. Караулил её и выжидал, когда она потеряет бдительность. Сложив ноги по-турецки, Наташа прижала шершавую обложку к животу

и бросила тоскливый взгляд на недостижимое крыльцо. Чтобы добраться до деревянных ступеней, требовалось пересечь двор, а индюк, несмотря на внушительную тушу, передвигался довольно быстро. Уже дважды он демонстрировал кошачью ловкость и совсем не индюшачью скорость.

Наташа задумчиво побарабанила пальцами по дневнику. Снова вернулась мыслями к личным записям Рыжика. Её совесть спала младенческим сном. Потертая, фрагментами порванная обложка намекала на почтенный возраст тетради. Сколько сейчас хозяину дневника? Наверное, он старше неё, а может, его и в живых уже нет. Никаких маркеров времени на страницах пока не обнаружилось. Хотя можно узнать верхнюю границу его возраста, если припомнить, в каком году состоялась премьера оперы «Юнона и авось». А вот с нижней границей сложнее. Обычный подросток из какого угодно времени.

По приблизительному подсчёту Рыжик времен дневника тянул лет на пятнадцать. Точно ясно только то, что он не местный. Пятиэтажка, которую он упоминал в записях, не деревенская. Тут и домов-то выше второго этажа нет. Разве что школа, и то потому, что в одном здании с ней находились банковское отделение, почта и магазин. Настоящий центр жизни в Старолисовской. Три улицы, маленькая площадь, церковь – вот и вся цивилизация. То что нужно. А этот дом вообще на отшибе, даже не на улице. Сзади лес, выходящий к речке, а впереди виноградники, спрятавшиеся за

несколькими рядами подсолнухов, ярких, пока ещё не пожелтых и удивительно единодушных в любви к солнцу. Они же выстроились вдоль дороги, ведущей в деревню. А дальше, сколько хватало взгляда, – виноградные кусты.

Единственный сосед – рядом. Точнее, дом есть, а соседа как раз нет. Судя по виду, дом жилой, двор ухоженный, цветов почти нет, разве что вездесущие подсолнухи вместо забора на заднем дворе. А между участками символическое сетчатое ограждение, ещё и с калиткой. Видимо, соседи дружили. Наташе это только мешало, и, обнаружив калитку, она мысленно понадеялась, что наличие соседа не станет проблемой.

Скорее всего, там жила семья или одинокая женщина, хозяйка гаденыша с красной соплей. Очень уж ухоженное подворье. Но пока дом пустовал, и знакомиться с местными Наташа не спешила. В Старолисовскую она сбежала не за общением, а наоборот, в поисках одиночества.

Дорога, ведущая в деревню, разделяла лес и поле, а дома как раз находились на этой границе. Восточными окнами встречали рассвет, а западными провожали солнце, ныряющее в сумрачную чащу. Здесь, видимо, планировалась полноценная улица, но пока ещё большинство участков пустовало, на некоторых в дебрях пышной травы виднелся фундамент, пара домов вздыбила стены, обкусанные непогодой и увитые жизнерадостным бурьяном. Ещё один жилой дом втиснулся между ветхими сараюшками уже ближе к дерев-

не. И все. Тишина и звуки природы – то что доктор прописал, точнее, психолог. Наташа бы выселила всех и оставила нынешнее временное жилище единственным на сто квадратных километров. Ей хотелось полного одиночества, всеобъемлющего. И вот уже третий день, как она его ела большой ложкой и, кажется, уже насытилась.

Никогда раньше Наташа не оставалась одна так надолго. Как быстро выяснилось, к безмолвию и одиночеству она была не готова. В первый день испугалась тишины и гула собственных мыслей. То, что она пыталась подавить и спрятать, выбралось на свободу и теперь звучало разными голосами, в основном осуждающими, с издевательскими нотками. Во второй день появился индюк и разнообразил её существование новыми эмоциями и гонками по двору.

Наташа вспомнила, как, не раздумывая, привела совет психолога в исполнение и нашла место, где сможет остаться в одиночестве, а заодно и кардинально сменить обстановку. Она выросла и жила в городе. Деревня и сельская пастораль ассоциировались у неё с той самой непроходимой глушью, которой требовала душа.

Затерянная в лесу деревенька со странным названием Старолисовская встретила её на просторах интернета и оказалась придатком знаменитой местной винодельни, когда-то принадлежащей помещику Старолисову. Сейчас от поместья остались только развалины, экспонаты для музея и местная страшилка, а винодельню возродил отец нынешнего

главы. Имена Наташа не пыталась запомнить, глава наплодил прилично потомства, в отпрысках путались даже сами сельчане. Да и память последнее время подводила Наташу, вычеркивая факты, даты и события.

Насчёт съёма договаривались по телефону. Её привлекли не столько фотографии симпатичного домика, сколько его месторасположение. Девушка по телефону обещала уединение, но при этом вполне комфортные условия. В доме были и свет, и вода. Насчёт интернета она забыла узнать. На всякий случай обрадовалась отсутствию сети и даже записала это в плюсы.

Не раздумывая, договорилась с хозяйкой дома о встрече и ринулась покупать чемодан. Собирая вещи, Наташа с сомнением оглядывала свой модный, абсолютно городской гардероб. Обувь – вся на каблучках, кроссовки белые, тонкие платья и обилие красивой дорогой бижутерии. Что ж, она туда не пасти коров едет, хозяйства при доме нет, так что одежда вполне сгодится для сельской местности. Себя в деревне Наташа представляла, сидящей на террасе, с шалью на плечах, чашкой чая в ладонях и взглядом, устремлённым на алый восход. Отвлечённо-возвышенная картинка, практически идеалистическая. Далекая, впрочем, от деревенской реальности.

С работой проблем не возникло. Батутный центр «Тайфун», открытый три года назад, работал исправно, приносил неплохой доход и не требовал от неё лишних усилий. Всем

управлял двоюродный брат Наташи – Костя. Она подозревала, что он потихоньку приворовывает, но Костя не наглед и, самое главное, относился к работе ответственно. Двуручничать он планировал ещё долго, а потому за «кормушкой» тщательно следил и даже поговаривал о расширении. Наташа действительно год назад подумывала о покупке виртуальной кабины. Но планам не суждено было сбыться, и деньги ушли в другое русло. Хорошо, что они вообще были, иначе загнулся бы и весь батутный бизнес. Новый аттракцион остался в планах. А Наташа до сих пор тратила предназначенные для него средства, про себя их так и называла «виртуальные деньги». Вот и съём дома оплачивался из того же источника, благо кубышка ещё не опустела.

Навигатор исправно вел её от города почти двадцать километров, а когда показал поворот, Наташа его просто не заметила. Проехав несколько метров, притормозила и пригляделась к экрану телефона. Ошибки не было, она проехала поворот, ведущий в деревню. Странно. Совершенно точно обочину слева подпирала сплошная стена тополей. Пришлось сдавать назад. В этот раз обнаружился и указатель, и даже сама дорога, вполне приличная, асфальтированная. Ветви деревьев сплетались, образуя убегающий вдаль тоннель. Наташа тряхнула головой и по привычке смахнула несуществующую чёлку. С короткой стрижкой она ходила уже больше года, всё ещё забывалась и убирала от лица фантомные пряди.

– Зачарованное место какое-то.

Когда деревья расступились, показался мост. Указатель гласил, что мост Первый, а речка зовется Капиляпой. По обе стороны от дороги выстроились чугунные столбы с матовыми плафонами, словно полуслепые стражники. Наташа снова проверила адрес на экране телефона и сбавила скорость. Дорога вывела её к центру деревни. Блага цивилизации столпились вокруг небольшой площади, выложенной серым булыжником. В тени домов промежутки между камнями поросли зеленым мхом, он же заполз на фундаменты и виднелся на черепичных крышах. Самое высокое здание в два этажа прилепило на фасад несколько вывесок, напротив него расположился магазин, явно принадлежащий винодельне. Для тех, кто не догадался по названию, у входа имелись деревянные бочки, а на окнах – пластиковые гроздья винограда. Наташа скользнула взглядом мимо зданий, изучать деревню пока не планировала, ещё неизвестно, задержится ли она тут. Может, домик только на фото прилично выглядит, а сам давно уже ссутулился и зарос мхом по самую планку конька.

Деревня закончилась довольно быстро, дорога сменилась с асфальтированной на грунтовую, а здания уступили место ярким пейзажам. Слева раскинулись убегающие вдаль ряды виноградников, почему-то вдоль обочины стыдливо прикрытые подсолнухами. А справа темнел самый настоящий лес, от него веяло прохладой, влажностью и мрачной сказкой. Машина подпрыгивала на ухабах, поднимая колесами пыль, пришлось закрыть окна и включить кондиционер.

Дом соседа показался первым и понравился Наташе гораздо больше выглядывающей из-за него приземистой хатки. Он высоко стоял на фундаменте и смотрел на поля большими современными окнами. Наташа досадливо вздохнула, перевела взгляд дальше и увидела у открытой калитки высокую девушку. Та призывно махала ей рукой, предлагая заехать в распахнутые ворота. Теперь Наташа рассмотрела и свое будущее пристанище. Невысокий деревенский дом, бросающийся в глаза свежей побелкой и обновленными деревянными наличниками. Слева к зданию прилепилась слегка перекошенная застеклённая чуть ли не от пола до потолка веранда с тусклыми окошками. На крыльце прямо на ступенях вдоль перил выстроились разнокалиберные горшки с цветущей геранью.

Подворье большое, засаженное деревьями и цветами без всякой системы. На фоне темнеющих зарослей крапивы белел пышный бульдонеж, похожий на гроздь громадных снежков. Воздух насытился влагой и обострил запахи.

Заглушив мотор, Наташа выбралась из салона и поздоровалась.

– Добрый день. Мира? Я же не ошиблась?

Высокая красивая девушка никак не ассоциировалась с деревней, скорее с подиумом. Наташа невольно залюбовалась длинными, словно зеркальными волосами и снова по привычке коснулась своего стриженного затылка.

Девушка кивнула и отступила в сторону дверей.

– Добрый день. Не ошиблись. Мы с вами созванивались, – она обвела рукой двор, – как я и говорила, тут очень тихо, поблизости только соседний дом, но его хозяин сейчас в отъезде.

Наташа едва улыбнулась.

– Красиво, на фото дом выглядел как-то по-другому, больше, что ли.

– Да, он довольно старый, – нехотя согласилась хозяйка. – Воду провели в прошлом году, свет – давно. С отоплением сложнее. Была груба², её переделали в камин, но теперь приходится дополнительно включать электрические обогреватели в спальне и на кухне.

Наташа сначала задумалась, а потом решительно покачала головой.

– Меня пока интересует только лето.

Мира едва заметно нахмурилась.

– По телефону я предупреждала, если вдруг найдётся покупатель, я верну вам часть оплаты и придётся освободить дом, ну, или вы сами вдруг захотите его купить.

Наташа поднялась на крыльцо, толкнула двери.

– Я помню. Только предупредите заранее.

– Конечно, – улыбнулась Мира и прошла в комнату.

На обход трёх комнат ушло минут десять. Домик действительно оказался маленьким: небольшая кухня с распахнутыми настежь окнами, ещё меньшего размера спальня с алым

² Груба – это каменная или кафельная печь в избе.

ковром на стене и гостиная с бывшей грубой, теперь вполне похожей на закопченный камин. Несмотря на невысокий рост, Наташа невольно пригнулась, такими низкими оказались потолки, а мебель явно была ровесницей самого дома, не просто старая, а какая-то древняя. На стенах висели часы, больше всего их было в центральной комнате, даже на каминной полке стояла пара штук. Правда, ни одни из часов не показывали правильное время, хотя стрелки двигались практически на всех циферблатах. Когда очередные часы обнаружили чуть ли не на потолке, Наташа не сдержала любопытства.

– Ни одни часы не идут нормально.

Мира не удивилась.

– Не идут. Они для красоты.

Наташа с сомнением покосилась на потрескавшиеся ходики с обглоданными временем шишками.

– Не жалко столько батареек тратить?

– Какие батарейки? Часы старые, все заводятся. Сегодня как раз, пока вас ждала, заводила. Но вы не обязаны это делать. Тем более они очень громко тикают. Это я так, скорее по привычке.

– Понятно, – протянула Наташа, просто чтобы занять паузу, подняла взгляд на дверцу в потолке, – а эта дверь куда ведёт?

– На горище.

– Куда?

– Горище. Ну, чердак. Там голуби живут. Так что не удивляйтесь, когда услышите шорохи. Если будут сильно надо-едасть, закройте снаружи слуховое окно. Немного погалдят и найдут себе другое пристанище.

– Вы их специально, что ли, разводите? – наугад предположила Наташа.

– Мама разводила. Ну что вы так удивляетесь? На вкус почти как курица. Правда, мясо тёмное и жёсткое.

Наташа хмыкнула.

– Птица мира.

– В Старолисовской это нормальное явление. Я только за пределами деревни узнала, что не все едят голубей и крапиву.

Наташа снова вернулась на кухню и, отодвинув деревянный табурет, села за стол. Мира не торопила её, почувствовала, что пришёл момент принять решение, и безмолвно наблюдала. Ситцевые короткие шторы качались на ветру, ветер доносил запахи свежей травы и чуть сладковатые медовые ароматы. Наташа расправила ладонями тканевую скатерть и снова оглядела комнату. К противоположной стене прижался старый, крашенный зелёной эмалью холодильник. У её бабушки был похожий, правда, это чудо саратовского завода обитало в сарае и использовалось как шкаф для хранения всякой мелочевки, которую жалко выбросить. Больше всего Наташе нравилась блестящая щелкающая ручка. Этот холодильник явно работал и выглядел хорошо за счёт яркой

жизнерадостной расцветки. Похоже, она не просто сбежала в деревню, а очутилась в прошлом.

Только сейчас она обратила внимание, что полки и стеллаж заполнены разными баночками, жестяными и стеклянными, а свисающие с потолка пучки трав настоящие, а не бутафорские.

Предупреждая вопрос, Мира грустно улыбнулась.

– Мама делала чай. Сама собирала и сушила травы, ягоды, фрукты и смешивала с заваркой. Очень вкусные чаи, за ними даже из города приезжали, мамы нет уже больше года. Тринадцать месяцев, если точнее. Меня не было рядом, когда она умерла. Сосед говорит, в тот день она была не в себе, бредила, всё просила какую-то кость, – она тряхнула головой, сжала губы, удерживая подступившие слезы. – Я уехала через год после окончания школы. Давно уже не живу в Старолисовской.

Наташа сцепила пальцы, отвернулась к окну. Вроде как требовалось выразить соболезнования, но как это делается, она не представляла, а потому ухватилась за последнюю фразу.

– Так и думала, что вы не деревенская.

Мира скептически вздернула смоляную бровь.

– Как и вы, – её взгляд задержался на кулоне из чёрного турмалина, скользнул по укороченным белым брюкам, остановился на высоких каблуках босоножек. – Сапоги резиновые взяли?

– Зачем?

– При сильных дождях дорогу размывает, вы на своей машинке точно увязнете. В деревню придётся ходить пешком. Если вдруг отключат свет, какое-то время не будет воды. На этот случай за домом есть колодец.

Наташа нахмурилась. Привлекательность идеи сбежать в глушь выцветала на глазах.

Мира уловила её колебания и поспешила исправить ситуацию.

– Вода там очень вкусная, родниковая. Вы не смотрите, что домик маленький, участок при нём большой. По тропинке можно выйти к реке. Да и места у нас красивые. На Солнечной уже все участки выкупили, не удивлюсь, если в течение года её заселят.

– Так это улица? – Наташа припомнила, что по пути сюда видела фундамент дома.

Мира не ответила, посмотрела на неё пристально и недоверчиво.

– А вы, случайно, не из этих... копателей сокровищ? Или из другого лагеря?

Наташа хмыкнула. В процессе поисков информации о деревне она несколько раз встречала байки про развалины поместья, привлекающие искателей наживы, но посчитала это чем-то несерьёзным, вроде детского развлечения. Тем более эти истории сопровождалась местными преданиями явно фантастического характера: легендами о Мёртвой деве,

лесных духах и празднике Цветущего сердца.

Отвечать Наташе не пришлось. Мира сама опровергла свою версию.

– Нет, вы не из этих.

– Неужели кто-то ещё приезжает, чтобы найти сокровища? – искренне изумилась Наташа.

Мира пожала плечами.

– Семейные драгоценности Старолисовых так и не нашли. Так что вы надумали?

Наташа решительно встала.

– Поживу месяц, а там видно будет. Дышится у вас свободно. И так тихо.

– О да, воздух хрустальный, – обрадовалась Мира. – А в реке за домом рыба ловится. Вы увлекаетесь рыбалкой? Хотя, господи, о чем это я. Вам, наверное, больше лотосы понравятся.

Наташа по инерции отрицательно покачала головой, хотя ответ уже не требовался. Поняв, что она сделала выбор, Мира явно расслабилась и повеселела. Дала ещё несколько указаний, показала двери в кладовку, до сих пор частично заполненную закатками, и направилась к выходу.

– Будут вопросы, звоните. Если вдруг станет скучно, в деревне есть небольшая библиотека. Надеюсь, вам так тут понравится, что вы захотите остаться. Все-таки подумайте о покупке, если не дома, то хотя бы участка, в петле реки земля дешевле.

Наташа не была в этом так уверена, но домик, несмотря на свой скромный размер, ей приглянулся, а больше всего понравилась та самая тишина, которой никогда не было в городе. Даже телефон, почувствовав себя тут лишним, молчал с того момента, как она пересекла речку.

Что ж, решение принято, отступать некуда. Как минимум на месяц она нашла убежище от сочувствующих и понимающих взглядов, ненавистных советов и необходимости изображать оптимистичную жизнерадостность. Здесь она просто отдохнёт от искусственных эмоций и примет новую реальность, может быть, даже найдёт новый смысл жизни.

Второй день Наташа посвятила знакомству с подворьем. Ещё вечером она сделала неприятное открытие – туалет есть только на улице. Аккуратный, чистый – и всё же уличный, со всеми атрибутами отхожего места: с пауками по углам и входом в преисподнюю. Новый день начался с посещения дощатого строения, отозвавшегося желанием бросить затею с переездом и вернуться в комфортную квартиру.

Возвращаясь в дом, Наташа брезгливо разглядывала низ пижамных брюк, промокших в обильной утренней росе. На границе с соседским участком в кустах смородины зашевелилось что-то темное. Наташа приостановилась и настороженно притихла. Не успела даже представить себе какую-нибудь жуть, как на неё из зарослей выскочило лохматое чудо-юдо. Это позже она распознала в монстре индюка, а в пер-

вый миг ей привиделся стремительный комок перьев. Она даже взвизгнуть не успела, просто молча отскочила, как кошка, разве что хвост не вздыбила.

Индюк издал воинственный клекот и ринулся вперед. Никогда Наташа так быстро не бегала. Испугавшись, не додумалась повернуть к дому и понеслась по периметру участка. Заодно быстро, но невнимательно оглядела временные владения. Пожалуй, крапивы могло бы быть и поменьше. Она едва не врезалась в натянутый гамак и споткнулась о невысокий каменный борт колодца. Индюк то отставал, то нагонял и не переставал издавать угрожающий клекот. Добежав во второй раз до сетчатой границы с соседним участком, Наташа толкнула калитку и резко отступила в сторону. Индюк влетел пушечным ядром во двор, развернулся и тут же всем телом врезался в закрытую калитку. Снова разбежался и снова впечатался в сетку. Он больно ударился головой и зацепился гребнем, но не оставил попыток снести преграду.

– Терминатор бесчувственный. – Наташа показала ему фигу. – Башку себе уродскую разобьёшь и соплю вырвешь.

Индюк стукнулся ещё пару раз, уже без злобы, скорее для острастки, и ушёл в глубь соседского сада. Наташа фыркнула ему вслед и вернулась в дом.

Тишины действительно было с избытком, несмотря на множество тикающих часов, здесь остро ощущалось безвременье. словно мир замер, добровольно поставил себя на паузу. Уборка и готовка не отвлекали от мыслей, наоборот, вос-

поминания накинудись, словно ждали, когда она останется в одиночестве и не сможет отбиться от них телефоном. Окаывается, бездумное пролистывание ленты в социальных сетях здорово отвлекало от собственных дум разной степени едкости.

Пообедав, Наташа расположилась на кухонном столе с доской для сборки браслетов, достала фурнитуру, включила на телефоне плеер и на какое-то время отвлеклась от размышлений. Плетением бижутерии Наташа занялась недавно, когда сменила причёску и впервые обратила внимание на свои незащитные уши, ранее прикрытые длинными русыми прядями. Назло желанию спрятаться и не привлекать внимание, заставила себя не просто показать, а украсить голову. Новое хобби оказалось недешёвым удовольствием. Тем более Наташа покупала серебряную фурнитуру и натуральные камни. Довольно быстро определились любимчики: чёрный турмалин, жемчуг, дымчатый агат и розовый опал. Большая часть бижутерии, которую она не дарила, а оставляла себе, была сделана из этих камней.

Гладкие, прохладные бусины приятно перекатывались в пальцах, жемчуг отсвечивал в солнечных бликах, рассыпая микроскопических солнечных зайчиков, а турмалин, наоборот, поглощал свет, словно бархат. Из плеера звучала проверенная временем подборка песен, Наташа знала наизусть почти все и тихо подпевала.

Жемчужный браслет обзавелся замочком, когда сквозь

музыку пробился посторонний звук – шаркающие тяжёлые шаги на горище, совершенно точно не голубиные. Шаги стихли, но через секунду послышались снова, теперь уже ближе, за стеной. Наташа замерла с острогубцами в руке, короткие волоски на её затылке встали дыбом, влажный сквозняк коснулся шеи. Повисла ватная тишина, притихли даже многочисленные часы. Наташа вздрогнула и выпустила из пальцев нитку с розовыми бусинами. Радостно и непослушно они покатались по столу и градом посыпались на пол. Подпрыгивая с дробным перестуком, разбежались во все стороны. словно получив сигнал к старту, громко задрезжал холодильник. Утром подобный припадок едва не довёл Наташу до сердечного приступа. Да и сейчас она чуть не подпрыгнула на месте. Зато рёв холодильника вывел Наташу из оцепенения.

Она обернулась.

– Кто здесь?

Ходики отбили полдень и снова замолчали. Наташа резко встала и снова прислушалась.

– Здесь кто-то есть?

Из угла комнаты прямо к столу выкатилась одна из розовых бусин, ткнулась ей в кроссовку, словно вернувшийся с прогулки пёс. Наташа подняла её и положила на стол. Шорохи на горище снова превратились в уже привычное хлопанье крыльев и шуршание. Наташа обошла стол и выглянула в окно. На наличниках, вдоль конька, на ветвях сидели голуби

и громко ворковали. Рама слухового окна медленно покачивалась на ветру.

Наташа взлохматила короткие волосы и вздохнула:

– Чёртовы птицы мира.

Остаток дня Наташа бродила по двору, наслаждаясь запахами цветов. В фиолетовых колосках она опознала лаванду, большая же часть буйной растительности осталась неопознанной. У окна спальни ещё не отцвёл куст сирени, нагло разложил веточки прямо на подоконнике, ну и бульдонеж явно был любимым растением предыдущей хозяйки, цвёл пышно, отвоеывая пространство у крапивы. С огорчением Наташа отметила, что за домом нет забора, участок просто перетекал в сад, а сад – в лес. Видимо, калиткой от индюка не отгородиться, а значит, нельзя терять бдительность и желательно раздобыть палку.

Вернувшись в дом, Наташа даже не удивилась, не обнаружив на столе доску для сборки браслетов. Она действительно не помнила, убирала ли её в чемодан. Возможно, да, а возможно, и нет. Память опять чудила.

На следующее утро Наташа решила, что собственных мыслей с неё достаточно, пора их заглушить. А так как в доме не было телевизора и интернета, пришлось вспомнить о старинном способе эскапизма – книгах. Кажется, Мира упоминала, что в деревне есть библиотека.

Туда Наташа отправилась пешком. Сменив сарафан на светлые брюки и блузку, надела серьги из чёрных турмали-

нов в пару к кулону и снова влезла в белые кроссовки. Видимо, придётся раздобыть подходящую обувь. Что-то типа балеток или сандалий без каблучков, не босиком же ей ходить, как дикарке.

В деревню она шла с опаской. Знакомиться с аборигенами не входило в её планы, может, они излишне дружелюбные, начнут напрашиваться в гости, изливать свои душевные тревоги или пересказывать местные сплетни. Наташа терпеть не могла бесцеремонность и навязчивую откровенность незнакомых людей. Она и раньше не была заводилой, теперь же разочаровавшись в людях, стала резкой, нетерпеливой и принимала жизнь с затаенным раздражением.

Найти библиотеку не составило труда. В принципе, всё, что могло понадобиться от рождения и до кончины, расположилось вокруг площади. Вход в библиотеку и школу был общим, но потом коридор раздваивался. Наташа толкнула двери и с опаской прошла в тёмное помещение.

– Добрый день.

Из-за конторки показалась светлая чёлка и любопытные голубые глаза.

– Добрый.

Девушка приподнялась и, окинув Наташу внимательным взглядом, сразу же заключила:

– Вы новенькая. Я сама тут только третий месяц и то всех уже знаю поименно. А вас не видела.

Наташа стянула с плеч лямки рюкзака и приготовилась

отбиваться от вопросов. Библиотекарша явно принадлежала к говорливому типу людей и скучала.

– Позавчера приехала. Хотела бы завести карточку и взять пару книг.

– Как вас зовут? Меня Вика, вижу, вы ненамного старше меня. Сколько вам? – она выбралась из-за конторки и продолжила выстреливать вопросами, теперь уже глядя в упор: – Погодите, я сама угадаю. Двадцать... восемь. Нет. Девять!

– Тридцать два, – нехотя отозвалась Наташа.

– А я знала! Специально сказала меньше, чтобы вам приятно было. А давайте на «ты», – Вика погладила выпирающий живот, – мы с мужем сюда недавно переехали. Решили, что детей нужно растить на свежем воздухе, в Старолисовской как раз требовался библиотекарь и агроном.

Наташа проследила за поглаживающей живот рукой и задала вопрос, на который Вика явно напрашивалась, выпячивая свое положение.

– Кого ждёте?

– Девочку, – она бесцеремонно схватила чёрный кулон на груди Наташи, – какой красивый, похож на ягоду голубики. Тут, кстати, земляника растёт ароматная. Что ты любишь читать? А у тебя есть дети?

Наташа медленно выдохнула и не ответила ни на один из вопросов.

– Могу я сама посмотреть книги?

– Конечно. Тут, правда, старьё одно, очень мало новых.

Да и читателей негусто. Сейчас все в интернете сидят.

Наташа хмыкнула.

– Если бы он тут был.

Вика удивилась.

– Есть. Даже в библиотеку его провели. Кстати, местный наладчик. А ты где поселилась? У тебя нет?

– На краю деревни, я не знаю названия улицы, – размыто ответила Наташа. Адрес она решила не озвучивать, вдруг библиотекарша заявится к ней с визитом.

– А, наверное, на Солнечной. Интернетных дел мастер, кстати, твой сосед. Мы там тоже участок смотрели. Но муж сказал, что к чёрту на кулички не поедет. Тем более там ещё строить нужно, а я рожу раньше. Взяли симпатичный домик у Третьего моста.

Наташа углубилась в ряды, но Вика не отстала. Последовала за ней.

– А деревня крутая. И расположение у неё необычное – в петле реки, поэтому она словно отрезана от остального мира. Знаешь, на что похожа Старолисовская? На паутину с жирным пауком в центре плетения. Площадь и есть паук. А какой тут лес, почти краснокнижный! Муж говорит, что охота тут хорошая. Ну и винодельня снова заработала, виноградники возродились. Если кто-то возьмется, такой курорт можно сделать!

– Курорт?

– Ну, не курорт. Как там называется. Можно поставить

домики или гостиницу на берегу реки, организовать экскурсии и дегустации вин. Золотоносная жила. Сейчас модно все такое крафтовое, фермерское, натуральное.

Наташа оценила энтузиазм скептически приподнятой бровью. Вика заметила выражение её лица и обиделась, буд-то сама лично заложила фундамент первого дома в Старолисовской.

– Зря не веришь. Тут, конечно, пока глухо и суеверия на каждом шагу, но места офигенные. Когда-то тут поместье было, до сих пор едут жаждущие разбогатеть. Можно из этого такой квест сделать! А ещё музей. Ты была в музее?

Наташа покачала головой, отвернулась к полке и вытянула толстый сборник русских народных сказок. Немного подумав, сунула его обратно.

Вика продолжила вдохновенно рассказывать:

– Это вообще находка. Музей как бы посвящен роду Старолисовых, там даже репродукции картин есть, которые у них дома висели, настоящие старые фото и копии их фамильных драгоценностей. Тех самых. Правда, смотритель музея странный тип, к Старолисовым у него чудаковатая преданность, почти благоговение. О них он готов говорить вечно.

Наташа тут же решила, что в музей не пойдёт. Ещё одного любителя поболтать точно не выдержит. Она вынула первый попавшийся роман, за ним ещё парочку и, сложив стопкой, протянула Вике.

– Возьму пока эти.

Вика взяла протянутые книги и, не прекращая разговора, направилась к конторке, рассчитывая, что Наташа пойдет за ней.

– А местные суеверия? Это отдельная история. Я ведь здесь уже была студенткой, на филологической практике собирала материал для курсовой. Лесные духи, чёртовы тропы, дева эта дохлая. Говорят, раньше ведьма жила, самая настоящая. Не слышала?

Наташа взяла оформленные книги и не глядя сунула в рюкзак.

– Не слышала, – слукавила она. Хотя что-то такое говорила и Мира. В подобные предрассудки она не верила, ей хватало личных глюков.

Вика протянула ей последнюю книгу и заглянула в глаза.

– Так ты одна тут? Не замужем?

Наташа еле удержалась от резкого ответа. Вика ведь её ровесница, даже младше, откуда эти бесцеремонные вопросы в духе подъездных бабушек?

– Не замужем.

– А любимый мужчина-то есть?

– Нет, – почти рывкнула Наташа и поспешила немного смягчить впечатление, – нет. Я одна.

Но Вика словно и не заметила её агрессивности, продолжила так же дружелюбно:

– Заглядывай чаще. Я себя тут тоже чужой пока чувствую.

А так хочется поболтать не с бабулями. Только они сюда и ходят.

Наташа почти выбежала из библиотеки. Злилась не столько на бесцеремонную Вику, сколько на себя за такую бурную реакцию. Банальный вопрос поднял в ней волну гнева, а ведь она надеялась, что выкинула Никиту из головы, забыла и простила. Но нет, оказалось, злость просто затаилась, а при малейшем напоминании просочилась едким дымом и заволокла мысли горькой обидой. Не забыла и не простила.

Выйдя на улицу, Наташа оглядела площадь и, заметив на здании вывеску с многообещающим названием «Мегасупермаркет», направилась туда. Местные её заинтригованно рассматривали, шептались, провожали любопытными взглядами. От такого навязчивого внимания хотелось поскорее убежать в тикающий, крапивно-голубиный домик. Она, конечно, приезжая, но зачем так откровенно глазеть? В конце концов, это неприлично. Она же не пялится на калоши, надетые поверх вязаных носков, и это в июне, или на цветастый платок с бахромой, место которому в их чудном музее.

Колокольчик на двери оповестил продавца о новом покупателе раньше, чем Наташа вошла в магазин. Кивнув, она выдавила из себя неискреннюю улыбку.

– Добрый день.

– Добрый, – откликнулся продавец, взвешивая огромный розовый батон колбасы.

Посетительница у прилавка, обернулась, просверлила На-

ташу взглядом. Бесцеремонно осмотрев с макушки до пят, многозначительно ухмыльнулась и снова обратила внимание на весы.

– Больше рубли, или врёшь, что свежая?

– Свежая, свежая.

Наташа оглядела застекленную витрину и озадаченно нахмурилась. Рядом с шоколадками лежали мелки от тараканов, канцтовары соседствовали с упаковками конфет и гелями для душа. Небольшой магазинчик торговал всем подряд, а продавец не видел необходимости разделять товар. Вот уж действительно «Мегасупермаркет».

– Вы что-то хотели?

Наташа задумалась.

– Кофе и что-нибудь к чаю. Печенье, конфеты. А ещё резиновые сапоги тридцать четвёртого размера.

Женщина у прилавка завернула колбасу в пакет и отошла в сторону. Пропуская Наташу вперед, заметила на её груди кулон.

– Ведьмин глаз.

– Что?

– Зачем ведьмин глаз носишь? – она не скрывала во взгляде осуждения и одновременно высокомерной жалости, будто считала её малахольной, а теперь ещё и разозлилась. – Где взяла?

Наташа тронула прохладный камень на плетёной цепочке.

– Турмалин? Купила.

– Ведьмин глаз, – опять повторила женщина и кивнула на прилавок. – Молоко тут не бери, химия одна. И у Конюховых не бери. Их корову сглазили, а вот у Емеленых доброе молоко. Марьяна принесет, коли возьмешь. Ты же с Солнечной?

Наташа вздохнула. Похоже, её приезд не был тайной для местных, как и то, где она поселилась.

– Спасибо, буду иметь в виду, – перед продавцом ей было немного неловко, а вот посетительнице, видимо, нет.

– Молоком проще всего отравиться, а лечить некому. Ведьмы-то в Старолисовской сейчас нет, – она приостановилась и снова наградила Наташу выразительным и одновременно сердитым взглядом. – Как бы её ни боялись, да только она от проклятого некрещеного духа могла заговорить.

– Поликарповна, хорош девушку пугать, вон глазища какие уже круглые, – вмешался продавец, взвешивая печенье. – Насчёт молока она права. Договоритесь с Емелеными, Марьяна вам каждое утро носить будет. Все одно к соседу вашему заходит.

Он протянул пакеты и поставил на прилавок пару сапог.

– Такого размера есть только детские.

– Спасибо, – Наташа скептически оглядела алую пару обуви. В таких сапогах её видно будет с любого конца деревни. Семафор какой-то.

– Я к Емеленым пойду, хошь за тебя договорюсь, – снова вмешалась Поликарповна, – завтра тебе уже молочко принесут. Сразу и расплатишься.

Уже рассчитавшись, она не покидала магазин, всё ещё пыталась навязать добро и заодно подсунуть в тыл врага Марьяну.

– Я не люблю молоко, – Наташа взяла протянутый пакет с покупками, кое-как перехватила резиновые сапоги и направилась к выходу.

В дверях она едва не столкнулась с другим посетителем. Он отскочил назад и, ссутулившись, принялся сбивчиво извиняться.

– Простите, простите, я не нарочно. Ради бога, простите. Наташа отступила и подняла упавший сапог.

– Все нормально.

Мужчина изобразил готовность помочь и сам же отдернул руку, как только перевел взгляд на Поликарповну. Она приблизилась и довольно грубо ткнула его в плечо.

– Ротозей, не видишь, куда прёшь? Я же сказала, жди меня на улице. Чё поперся? Не дал с Мишаней нормально поговорить. Иди уже. Кыш.

Мужчина пятился и, беспрестанно кивая, глядел ошалевшим влюбленным взглядом на ту, которая его публично унизила.

– Глаш, я думал, может, тебе помощь нужна. Не ругайся. Ухожу уже. Ухожу.

Наташа вышла следом, не попрощавшись. Ей нестерпимо хотелось быстрее убежать в свой домик на краю света и ни с кем больше не разговаривать. Местные показались ей

иностранцами, а точнее, инопланетянами. Навязчивые, любопытные и не слишком-то обременённые воспитанием. Рядом с ними Наташа остро ощущала себя «не такой», словно попала в замкнутое сообщество со своими традициями и правилами. Судя по всему, они тоже считали её чужачкой.

Наконец, добравшись до своего временного пристанища, Наташа захлопнула калитку и бросила сапоги прямо на крыльце. Закрыв двери, прижалась спиной к стене и несколько раз шумно выдохнула. Постояв несколько минут, немного успокоила пульс и даже слабо улыбнулась, а потом неожиданно расплакалась. Короткий визит в деревню вымотал её почти так же сильно, как посещение онкодиспансера, а всё из-за напоминания о Никите. Ну сколько можно впасть в истерику? Сколько можно носить в себе обиду? Она же с психологом полгода убила на решение этой проблемы, а стоило незнакомому человеку просто спросить о «любимом человеке», даже без имени, и её снова накрыло удушливой паникой. Значит, не прошло и не отпустило. Может, поездка в глухомань такая же ошибка? Пока точно легче не стало. Мысли, обычно придавленные ежедневной рутинной и городской суетой, здесь, в деревне, зазвучали слишком громко.

Хорошо, что она побывала в библиотеке, лучше читать о чужих проблемах, сочувствовать чужой печали, чем проживать свою. Открыв клапан рюкзака, Наташа достала стопку книг и по одной переложила их прямо на пол. Последней оказалась толстая тетрадь в терракотовой потрепанной

обложке, без названия и имени автора. Наташа погладила пальцем шершавую поверхность и раскрыла тетрадь на самой первой странице. Лист по диагонали пересекала витиеватая надпись с восклицательным знаком «Дневник!».

Наташа удивленно выдохнула. Как эта тетрадь оказалась в её рюкзаке? Судя по виду, очень старая и точно не книга. Видимо, она прихватила её в библиотеке, когда поспешно убегала от назойливой Вики. Наверное, стоит вернуть, это же, получается, воровство. Только как же неохота снова идти в деревню! Пусть пока останется у неё, рано или поздно ей придётся возвращать романы, вот тогда и отдаст.

Но на следующий день Наташа решила не расставаться с дневником, пока не дочитает до точки. Хватило всего пары страниц, чтобы заинтересоваться личностью Рыжего. Правда, вездесущий агрессивный индюк решил, что она давно не бегала по двору, и снова обеспечил ей принудительную физическую активность.

Прижав дневник к груди, Наташа оценила обстановку и ринулась к крыльцу. Индюк отреагировал с опозданием, догнал её уже на ступенях, но, получив пинок, скатился на траву.

– И так будет всё лето? – простионала Наташа, приоткрыв двери, но на крыльце уже никого не было. Когда уже приедет сосед и заберёт своего придурка в перьях. Его нужно на цепь посадить, а лучше запечь с яблоками.

Поставив чайник на плиту, Наташа села у окна и снова

распахнула тетрадь. Книги её тоже отвлекали, но не так хорошо, как дневник неизвестного парнишки, так бесхитростно раскрывшего душу терракотовой тетради.

2 глава. Сюси-пуси, суслик, слабак

Столько всего хотел написать, но не знаю, с чего начать, событий не слишком много, а вот эмоций... Папа бы сказал, соплей с пузырями. Начну с важной мысли, чтобы потом не забыть, когда сам вырасту и обзаведусь потомством. Никогда не говорить своим детям «не знаю». Если что-то спросят, не отмахиваться от них этим дурацким объяснением. Уж лучше промолчать и потом найти ответ, чем вот так расписаться в своём неведении. Мне было лет восемь, когда я понял, что мой папа не всемогущий. Рано, конечно. В этом возрасте ещё положено смотреть на родителя как на всезнающее божество и пытаться ему подражать.

Мы ехали в папину мастерскую по-простому «гаражи». Не его, конечно, он там работает, просто я всегда её так называл. Мамина музыкалка, папины гаражи. За работой я его видел так же часто, как и за бильярдным столом. Не трудоголик он, хотя рукастый. Любит ковыряться во всяком мазутно-радиаторном, что потом, как говорит мама, не отстираешь даже хлоркой с молитвами. Сейчас часть тех гаражей снесли и построили безликую многоэтажную коробку, но в аренду так и не сдали, она до сих пор пустует и постепенно разваливается. Мрачная никому не нужная громадина. Раньше на её месте было офигенное кладбище старых машин. Покореженные ржавые кузова, накренившиеся стопки колес,

кучи металлического хлама и, словно лавочки в парке, то тут то там старые автомобильные кресла, живописно прожжённые сигаретами. В детстве я постоянно играл на этой свалке, представляя, что это детали космических шаттлов или недружелюбная планета роботов.

В самом большом гараже, выполняющем роль офиса и заодно комнаты отдыха, расположился бильярдный стол и парочка тренажёров, таких же страшных и древних, как обломки машин на свалке. Да и стол был ненамного лучше. Сетки по углам давно превратились в клочья, если кто-то выполнял удачный удар, то шар просто скатывался в бездонную лузу, падал на пол и пускался в бега. Естественно, никто не хотел прерывать игру и резво скакать за шаром, для этого механики брали своих детей. Поначалу я тоже участвовал в гонках. Мы даже соревнования устраивали, кто первый нагонит шар и вернёт на место, а наши папы делали ставки. Подозреваю, сбежавшие шары потом обнаруживались в самых неподходящих местах, в первую очередь в смотровых ямах, хорошо, если не в отремонтированных машинах.

В общем, папа взял меня с собой, потому что мама ушла в музыкалку, а одного меня тогда не оставляли. Хотя я не хулиганил, вроде не давал поводов мне не доверять, не то что Саня. Тот в каждую отлучку родителей что-то разбивал или поджигал.

В восемь лет я изучал насекомых и выпрашивал на Новый год в качестве подарка домашнюю саранчу, был у меня такой

странный период.

Я спросил папу:

– Что едят стрекозы, чем отличается нектар от пыльцы?

Он даже не задумался, сразу отбрил:

– Понятия не имею. Насекомые же, наверное, жрут что-то растительное, вот! Может, как раз пыльцу и едят. Нектар и пыльца почти оно и то же, все в мёд идет. Не знаю. Какая разница?

Позже я сам узнал и о том, что стрекозы хищники, и о том, что нектар и пыльца совсем не одно и то же. Вроде мелочь, папа и не заметил, что его авторитет знатно пошатнулся.

Вообще, он у меня очень простой, и самое удивительное, что его это абсолютно не парит. Счастлив и доволен быть, как говорит мама, пэтэушником. При этом он обладает житейской мудростью кота Матроскина, знает, как правильно есть бутерброд и разговаривать с сантехниками. Я много об этом размышлял. Наверное, потому что мне не хватает этой незамутнённой уверенности в себе, такой железобетонной. Папа всегда говорит, что я слишком много думаю.

Пока наши папы ремонтировали машины, пили пиво, время от времени тягали гантели и много рассуждали «за жисть», мы с пацанами изучали свалку. Сначала играли в прятки, потом они нашли полупустую пачку сигарет и решили приобщиться к взрослой жизни. Я тоже попробовал. От одной неглубокой затяжки едва не скопытился. Почудилось, будто к горлу подкатили кишки. Тошнотворное состо-

ание. Надо мной, естественно, посмеялись, обозвали слюнявой девчонкой. Я решил, что научусь курить позже без свидетелей и буду шмалить по десять пачек в день, они ещё завидовать будут, какие офигительные дымные кольца я носом выдуваю.

Пока они курили и кашляли, словно старые астматики, я мартышкой болтался на скелете ЗИЛа. Раскачивался и прыгивал, каждый раз стараясь приземлиться дальше. На третьей попытке я напоролся коленом на торчащую железяку и окончательно расстроился. Не смог курить, так ещё и ласту в фарш раскровякал. Пришлось идти к папе сдаваться. Я знал, что он будет меня ругать, поэтому медлил. Когда вошёл в гараж, носок уже пропитался кровью, немного хлюпало и в кроссовке. Я тогда ещё решил, что, видимо, повредил сонную артерию и мне скоро хана, а значит, можно не торопиться. Лучше последние секунды жизни провести, глядя на тёплое солнышко, а не на разъярённого папу.

Папа оценил кровавую ногу протяжным присвистом, вытер грязные руки ещё более грязной тряпкой и поманил пальцем.

– Иди сюда.

Я покачал головой и отступил.

– Уже зажило и не болит.

Он оглядел моё колено и снова присвистнул.

– Ёкарный бабай. Где ты ногу так распанахал?! Люся меня убьёт. Что у тебя там? Показывай.

Как только я приблизился, он схватил меня за руку и выволок на улицу, прямо к колонке. Стянув окровавленную кроссовку вместе с носком, он подставил мою ногу под напор воды. Когда смылась бордовая подсохшая корка, стало видно, что акула не откусила мне голень, рана выглядела на удивление скромной – вспоротая аккуратная розочка прямо под коленкой. Я заволновался, что не видать мне первого места во дворе за самую страшную травму, не переплюнуть Санину историю с переломом руки и рассечённый качелями висок Серёги.

Папа провёл экспресс-лечение бабкиным методом – приложил к ранке промытый водой лист подорожника и дал мне профилактический подзатыльник, чтобы я больше не лез, куда не следует. В тот день я не полез, не до конца поверил, что не помереть мне от страшной болячки типа африканской дизентерии, и пошёл в гараж за папой.

Игра в бильярд была в самом разгаре, догоняльщиками шаров самоназначились братья Тищенко. Оба сидели прямо на полу в напряжённых позах, в любой момент готовые сорваться вслед за шаром. Я же сел поодаль, на один из скрипучих тренажёров. За игрой не наблюдал, прислушивался к своему организму, то и дело отлеплял подорожник и проверял, не видно ли раздробленную кость или кишки. Мне казалось, что я бледен и холоден, умираю прямо на глазах равнодушной толпы, и никто не в силах мне помочь.

От стола то и дело доносился смех, эмоциональные руга-

тельства, поначалу приглушенные, а чуть позже произнесенные в полный голос. Я не вслушивался, пока не уловил знакомое имя «Лиля».

Говорил папа:

– ...ой, а что там сложного? Даже мой Рыжик может захомутать Лильку, если сделает всё как нужно. Хотя бы чуть бицухи подкачает, а потом можно и впечатлять чем-нибудь оригинальным.

– Чем же?

– Ну, для начала цветы? Какая баба не любит цветы?

Я тогда едва не провалился под землю вместе с ржавой скамьей. Даже дельный совет про цветы вспомнил спустя несколько лет и только потому, что этот разговор клеймом отпечтался в моей памяти. Папа сдал меня своим друзьям! Так просто разболтал мою великую тайну о любви к Лиле! А его друзья ещё и поржали.

Я вскочил. Ощущая себя пылающим факелом, подбежал к папе и застыл в бессильной ярости. Ругательства, в том числе живописный мат авторства Лопаты столпились за зубами, я был так зол, но ни одно из этих слов не отражало моего кипящего состояния. Я пыхтел, сжимая кулаки, заикался и наконец выдал:

– Папа, папа... ты пенис сатаны!

Он сначала рассмеялся, а потом отвесил мне очередной подзатыльник.

– Поговори мне еще!

Его голос прозвучал пристыженно, он явно пожалел, что сдал меня с потрохами, да ещё так легкомысленно, походя.

Вот так моя тайна перестала быть тайной. Лиле донесли уже на следующий день. Мама тоже узнала, правда, не смеялась, мечтательно вздохнула и потрепала меня по рыжей башке.

С тех пор папа только и делает, что дает мне «мужицкие советы» насчет Лили. То советует пересидеть во френдзоне и подкрасться с тыла под видом понимающего безобидного друга, то уверяет, что самый действенный способ – заставить ревновать. Я уже устал отбиваться от его замечательных идей. Папа бесится, будто это его личная боль и безответная любовь. А может, вину до сих пор заглаживает за то, что когда-то разболтал тайну моего сердца? Об этом нужно подумать.

Чувство вины может принимать причудливые формы. Я знаю яркий пример виноватой любви и виноватой дружбы. Костя, мой одноклассник, уже четыре года встречается с Полей, а когда-то он её унизил. Я и сам одно время чуть не переключился с Лили на Полю, потому что слишком много проводил с ней времени, заботился и оберегал. Читал как-то в одной умной книжке, что это тоже путь любви.

Это было в пятом классе. Полю перевели в наш класс в начале года. Она тогда была невыразительная такая, как коричневый лист в наборе цветного картона. Класс принял её холодно, точнее, девчонки, они тогда как раз отрастили зубы

и воевали за право экзотично выпендриваться. Начали повально стричься, даже краситься, носили украшения, а вместо формы – джинсы. Лиля верховодила всей этой пестрой компанией. Не до новенькой им было. Поля подружилась с такой же блеклой одноклассницей и не отсвечивала.

Произошло это в конце осени на уроке математики. Поля сидела за последней партой, никто не видел, как это случилось, но слышали все. В общем, она описалась. Учительница не сразу заметила, что та подняла руку и просит к ней подойти. Когда Вероника Евгеньевна обратила внимание на Полю, весь класс уже шушукался. Она подошла к ней, выслушала сбивчивый шепот и заставила встать. Наверное, хотела как лучше, когда решила вывести её в коридор, но теперь все увидели пятно. Когда они шли между партами, в классе то тут то там раздавались сдавленные смешки. Они становились всё громче, сплетались с оскорбительными фразами. Поля плакала, а Вероника Евгеньевна несла её портфель и что-то успокаивающе шептала. Стоило двери за ними закрыться, как по классу прокатился уже ничем не сдерживаемый хохот. Костя смеялся громче всех и, если вдруг кто-то не заметил, громко орал, что Поля описалась.

Тогда меня впервые прорвало. Теперь-то я знаю, что иногда у меня слетает крыша, и я веду себя как самый настоящий холерик. Ладно, буду честным, как псих. Я разозлился на одноклассников, кричал, что они свирепые собаки и тупорылые уроды, грозился убить любого, кто завтра напомнит о

том, что произошло. И подействовало! Правда, сомневаюсь, что дело в моих угрозах. Со стороны я смотрелся смешно и на голос совести тянул слабо. Большинство самостоятельно додумались до понимания, что они повели себя по-свински, всё же по-настоящему жестоких и равнодушных в классе не было. Тот же Костя стусевался и присмирел.

После уроков остальным не осознавшим своей вины, мозги промыла Малика Андреевна. А позже я слышал, как она разговаривала с Вероникой Евгеньевной. Отругала она и её. Голос не повысила, но даже мне стало жутко. Умеет же классуха забраться под кожу и достучаться до совести, при том что сама-то едва со школьной скамьи и мелковата ростом. С ней даже директор считается и на всякий случай держит ухо востро. А ведь она права, в тот момент мне и в голову не пришло, но подумать головой полагалось учительнице, а тащить Полю через весь класс было не лучшей идеей.

На следующий день в школе я приятно удивился и даже испытал чувство гордости за одноклассников. Они вели себя как обычно, будто ничего не случилось. Не обзывались и не намекали. Поля заметно трусила и по цвету сравнялась со стеной. Почти на всех уроках она сидела одна, поэтому я, не раздумывая, перебрался к ней за парту. Решил, что буду её охранять, а если вдруг казус повторится, выручу.

На самом деле мне было совестно за свое бездействие, стыдно за учительницу, которая не додумалась проявить деликатность, жутко неудобно за смех одноклассников. Мали-

ка Андреевна права: о нас говорят наши поступки по отношению к слабым, в том числе к животным. Заступиться бывает не столько страшно, сколько стыдно. Почему? Ещё один вопрос, который не даёт мне покоя.

В общем, после того случая я подружился с Полей и даже едва не влюбился, но тут вмешался Костя. Он, в отличие от меня, не пытался отсидеться во френдзоне, а сразу пошёл в нападение. Они до сих пор вместе, и Полька давно уже не коричневый лист картона. Как говорит мама, она «расцвела». Как говорит папа «созрела».

А Лиля всё равно красивее.

И мне кажется, папа неправ, с френдзоной плохая идея. Оттуда живьём не выбирают. Между прочим, папа сам никогда не отсиживался. Он маму даже похищал один раз, а сколько «широких жестов» на ней опробовал! Начиная с их знакомства – сплошной аттракцион. Мама, судя по рассказам папы, мастерски портила ему кровь, раз в месяц кто-то из них пускался в бега и ставил точку в их качельных отношениях.

Познакомились они в студенческие годы. Мама пела в женском трио под названием «Радуга», кроме моей огненно-рыжей родительницы, там ещё была природная блондинка и принудительная брюнетка. Её уговорили перекраситься, чтобы соответствовать духу группы. По отдельности девушки обладали приятными, но не очень сильными голосами, а вместе звучали громко и красиво. Достаточно слаженно,

чтобы регулярно украшать мероприятия местного уровня.

Папа увидел маму на сцене, влюбился, пока звучала песня, раздобыл букет и полез прямо под софиты. Мама не могла не оценить такую смелость. Папа пёр тараном и не давал времени на обдумывание. А потом, собственно, качели и начались.

Мама больше замалчивает, от неё я знаю только то, что они постоянно ссорились и разбегались. Папа рассказывает больше, но подозреваю, местами привирает. Любит он живописать, как похитил маму из семейного санатория (уверен, будущие теща и тесть не оценили), как на экзамене уговорил препода поставить ей пятерку, а потом сделал предложение, пролетая на тарзанке.

Уверен, что я знаю не всё. Некоторое, как они говорят, не для моих ушей. Папа и по части пикантного большой мастак. Когда он завуалировано намекает на какое-то событие, мама, густо краснея, сверкает глазами в мою сторону и по-особенному произносит имя папы.

– А-а-ндр-р-рей.

«Ан» вытягивается, а «Р» больно царапается и вибрирует.

Я и сам не горю желанием выслушивать подобные истории. Алё, родители! Вы должны думать, что я ничего не знаю о сексе, а я не должен знать, что вы меня создали кустарным методом. Лучше уж представлять версию бабушки: якобы детей выдает Дед Мороз. Детям он дарит игрушки – а взрослым вот «такое». За хорошее поведение, конечно же.

Подозреваю, мои родичи вели себя не очень хорошо. Раз я до сих пор единственный ребенок в семье. Мама очень хотела ещё детей. Несколько раз они заводили со мной беседы на тему, хочу ли я братика или сестрёнку, я всегда соглашался, но мама попадала в больницу раньше, чем я замечал у неё круглый живот. Возвращалась она печальная... и без братика. Не получилось у них пополнить рыжее племя.

Перечитал свои записи. Да уж. У меня биполярное расстройство как минимум. Начал об одном, перескочил с темы, а потом вообще ушёл в другую сторону. Ладно, типа подытожу планами на будущее. Лилю я добьюсь, с «мужицкими» советами или без, она обратит на меня внимание. Может, и правда придумаю «широкий жест». Папа до сих пор, как на-косячит, так творит что-нибудь масштабное. Мама каждый раз восхищается и, естественно, прощает. Всё-таки любят они друг друга. Аж тошно иногда смотреть на их сюси-пуси. Тошно и завидно.

Опустив дневник на колени, Наташа вытянула босые ноги и пошевелила пальцами. Ходить без обуви было непривычно и почему-то неловко, будто её могли отругать за эту вольность или сделать замечание. Какими же беззащитно-белыми выглядели её ноги, будто она ими и не пользовалась раньше, только достала из упаковки. Чёрный педикюр только усиливал ощущение кукольности стоп.

Прикрыв глаза, Наташа подставила лицо ласковому ве-

черному солнцу и слабо улыбнулась. В голове всё ещё перекачивались чужие мысли – мысли Рыжика. Она обдумывала прочитанные откровения. Жаль, что он не ставил даты, да и сами записи вел хаотично, сумбурно выплескивал эмоции и действительно перескакивал с одного события на другое. Удивительно, но исправлений практически не было, словно он писал потоком и не перечитывал. Если он так хотел впечатлить потомков, стоило позаботиться хоть о какой-то хронологии. А так, вообще непонятно, где происходят события. Да она даже имени его не знает. Просто Рыжий. Интересно, добился ли он в итоге любви Лили и появился ли у него братик? Наташа разрывалась между двух желаний: прочитать все залпом и, возможно, найти ответы и растянуть процесс чтения как можно дольше. Ей нравилось нырять в его жизнь и читать наивные, но порой довольно взрослые размышления.

В этот раз от чтения отвлѐк не индюк, хотя он снова бродил вдоль забора со стороны соседа и не давал расслабиться. Голуби приглушенно ворковали, где-то в глубине дома глухо тикали единственные часы, которые Наташа заводила, но они упорно отставали. Привычные звуки и обволакивающая безлюдная реальность. И тут со стороны кухни послышался голос. Кто-то недовольно бурчал и ругался. Наташа тряхнула головой, взлохматила волосы. Голос стих, но почему-то казалось, что это только начало. Она не могла понять, почему вернулись галлюцинации, вроде всё прошло ещё месяц на-

зад. Она-то понадеялась, что нервная система пошла на поправку и залатала дыры в памяти. Или это у новых таблеток такие побочные эффекты? Как бы то ни было, галлюцинации не просто вернулись, а усилились и разнообразились.

Накануне ночью она долго не могла уснуть, ворочалась в скрипучей постели. Наматывая на ноги влажную простыню. Даже распахнутые настежь окна не спасали от духоты. Кондиционера, естественно, не было, прогретый солнцем дом щедро отдавал тепло. Наташа таращилась в окно, прислушиваясь к незнакомым шорохам. Ни одного городского или привычного, даже холодильник рычал не как техника, а как живое существо, хотя уже не пугал до сердечного приступа. Она перевела взгляд на ковёр над кроватью и ухмыльнулась. Ковры на стенах – дикость какая-то. Пылесборник и вообще безвкусица.

Суслик на ковре зашевелился и обрёл объём, его вышитые бездонные глаза смотрели вполне осознанно и даже немного с неодобрением. Наташа ошарашенно глядела на стену, отмечая малейшие движения животного, и удивлялась собственному хладнокровию. Может, нужно закричать, отпрыгнуть, хотя бы встать? Вставать не хотелось. Тело наконец-то потяжелело, сознание тоже начало расплываться, подкралась долгожданная дрёма. Наташа нехотя приподняла руку и прижала ладонью вздыбившуюся поверхность ковра. Попыталась затолкать обратно в стену объёмного суслика, но подняла только облако пыли. Расчихавшись, Наташа отодвину-

лась к краю постели, но не встала и не убежала. Лежа на боку, вглядывалась в узоры по краю ковра, на суслика больше не смотрела, хотя он всё ещё шевелился и даже сопел. Так она и уснула.

Утром ночное происшествие показалось дремотной фантазией. Живой ковёрный суслик – это даже звучит как самая бредовая галлюцинация. Таких оригинальных у неё раньше не случилось. После душной ночи Наташа решила обустроить себе спальное место на продуваемой веранде и утро начала с уборки. Подмела полы, вынесла на улицу столик и кресло, а вместо них притащила из спальни кровать. Без матраса та оказалась довольно лёгкой, и Наташа справилась без посторонней помощи, правда, металлические ножки оставили царапины на крашеном полу. Мира, скорее всего, будет недовольна и потребует купить домик, прежде чем его крушить.

Поставив кровать прямо у окна, Наташа закинула шторы в стирку и в раздумье замерла перед окном. Мутные стёкла напоминали фасеточные глаза стрекозы, затянутые паутиной. Тут точно не обойтись без генеральной уборки. В отличие от остальных комнат, веранда не отапливалась и явно использовалась как проходное помещение. Из-за больших окон и двери, выходящей на крыльцо, здесь даже днем бродил сквозняк. А значит, и ночью будет не так душно, как в доме.

Наташа подвернула края джинсов, переделалась в самую простенькую футболку и принялась драить окна. Пока мы-

ла, несколько раз едва не свалила с крыльца горшки с геранью. Алые шары от её бесцеремонности чуть осыпались, но устояли. Каждый раз, задевая листья, она морщилась: очень уж специфический запах у этого цветка. Только смотреть и можно, лучше не трогать.

Когда осталось домыть всего одно окошко, ведро с грязной водой упало на бок, окатив при этом мутной жижей белые кроссовки Наташи. Она пригляделась к ведру. Странно, почему оно вообще завалилось? Стояло ровно, ветром его не сдвинуть. Будто кто-то нарочно толкнул именно в её сторону. До джинсов грязная вода не достала, а вот белые кроссовки пострадали уже второй раз. Все же неподходящая обувь для деревни. Бросив тряпку в пустое ведро, Наташа сняла обувь, немного помедлив, стянула и носки. С опаской ступила на влажную траву и прислушалась к ощущениям. Первой мыслью было, что где-то тут периодически бродит индюк, а значит, по причине скверного характера оставляет после себя гадости с отсроченным эффектом, как раз для босых незащищенных пяток.

Оглядев травяной пяточок под окнами веранды, Наташа прошла вперед-назад и снова замерла, на этот раз в странном блаженном оцепенении. Она не ожидала, что ходить босиком настолько приятно. Пожалуй, легкое покалывание и щекотливая нежность травы будут покруче массажа.

Уборку она заканчивала босиком. Вымыв полы на веранде, постелила у входа влажную тряпку. Обуваться пока не

хотелось. Повесив высохшие шторы, Наташа с удовлетворением оглядела свое новое спальное место: прохладно, красиво и без суслика.

Осталось придумать, куда деть мебель с веранды. Комнаты в доме были слишком маленькими, а время нещадно потрепало столик и кресло, белая краска на них облупилась и висела лохмотьями. В принципе, сойдёт за винтаж, в конце концов, пока нет дождя, можно оставить их на улице. Пить чай под яблоней и собирать браслеты на свежем воздухе.

Наташа бросила взгляд на связку ключей, оставленную хозяйкой на подоконнике. Ещё в первый день она обнаружила за домом сарай, но пока в него не заглядывала. Если найдется свободное место, можно временно сослать туда мебель. Правда, открыв двери сарая, Наташа передумала. Под толком висели самые настоящие летучие мыши. На вторжение постороннего они не отреагировали, продолжили темнеть спящими комочками. Наташа тоже не знала, как на них реагировать. Если бы они пробудились и ринулись к выходу – однозначно бы завизжала, а так постаралась не шуметь. Будить спящих, даже если это мыши, – худшее из преступлений. Да и места в сарае не нашлось. Захламленное помещение оцетинилось ржавым велосипедным рулем и вёслами. А все остальное терялось в тени и паутине.

Наташа заинтригованно присмотрелась к велосипеду. Он выглядел старым, но вполне целым, правда, камеры на колесах повисли печальными тряпочками. Для деревни, навер-

ное, самое подходящее транспортное средство, найти бы того, кто его починит, но при этом не напросится в гости и не нарушит её праздное уединение. Дружить с местными она всё ещё не планировала. А вот что делать с вёслами? К ним же должна прилагаться лодка, иначе какой в них смысл? Хотя... Можно ими индюка гонять. Наверное, лодка должна быть у реки, туда Наташа так и не ходила, хотя собиралась уже дважды. Каждый раз что-то её останавливало или наступал вечер, а блуждать в потёмках в незнакомом месте было слишком рискованно.

Побродив босиком по дорожкам из жёлтого песчаника, Наташа оценила высоко висящее в небе солнце, обулась и рискнула углубиться в лес. В тени деревьев воздух казался зелёным и пах чуть подгнившей сырой листвой. Ветви ясеней и каштанов переплелись над головой, образуя причудливую крышу, сквозь которую пробивались прозрачные солнечные лучи. Тишина здесь дышала жизнью, звенела, щебетала, шуршала и все же притворялась тишиной. Звуки звучали, словно издалека, приглушенно. Не было в них городской суматошности и резкости.

Протоптанная тропинка убегала вперёд, но не терялась, а многочисленные ответвления от неё исчезали, стоило отвести взгляд немного в сторону. Есть тропинка – нет тропинки. Такой же фокус случился с поворотом на Старолисовскую. Его словно не было, пока она не посмотрела на него в упор. Мерцающая зачарованная дорога.

Тропинка вывела Наташу к реке, чьё название упоминалось в интернете и, естественно, маячило на указателе перед мостом, но память снова решила, что эта информация в многострадальной голове лишняя, и просто стерла его. Хватит и того, что сегодня Наташа не потеряла ни одной вещи и не забыла на плите включенный чайник.

Небольшая и на вид спокойная река изгибалась, образуя заводь практически со стоячей водой. Берег обильно зарос рогозом, кое-где на поверхности плавали зелёные блестящие листья лотоса. Вглубь водоёма уходили старые потемневшие мостки. Выглядели они крайне ненадежно и скрипели даже от ветра. Ближе к берегу, замаскировавшись в зелени, плавала лодка без весел. Качаясь на мелких волнах, она стучалась носом о деревянную сваю, размеренно и тихо, словно уставший дятел.

За рекой берег выглядел не так дико. Да и река не напоминала стоячее болото и рябила мелкими барашками волн. Большая поляна, окруженная ухоженным лесом, наверняка использовалась местными, а может, и приезжими для пикников. Если верить интернету, где-то там, за деревьями, скрывались развалины поместья Старолисовых. Неужели кто-то до сих пор ищет сокровища? И какой другой лагерь имела в виду Мира?

В голове тут же зажглась идея покататься на лодке. В следующий раз она возьмёт с собой вёсла и попробует переправиться на другой берег. Может, найдёт развалины поместья

и погоняет там местных призраков. Оригинальный способ отвлечься от собственных проблем, не хуже дневника.

На пути к дому Наташа едва не заблудилась, свернула на одну из чёртовых тропок и бродила почти полчаса, пытаюсь выбраться на главную дорожку. Тропинка петляла, как трусливый заяц, и убегала из-под ног. На обратную дорогу в итоге ушло в три раза больше времени. Наташа удивилась собственному спокойствию, перспектива заблудиться её не испугала, скорее раздражила потерей времени. Единственная эмоция, которая до сих пор проявлялась в ней ярко, – раздражение. Пожалуй, ещё злость. А вот всё, что когда-то доставляло радость или хотя бы вызывало улыбку, просто превратилось в обыденность. «Притупилась чувствительность» – самое точное объяснение.

Вернувшись домой, Наташа перекусила тем, что нашла в холодильнике. Готовить не хотелось. Она и так никогда не была полной, а за последний год, пожалуй, исхудала. В первую очередь, потому что перестала получать удовольствие от еды. Вкус вроде восстановился, а нежелание есть осталось. Многие блюда, ранее обожаемые, она теперь на дух не переносила, от одного упоминания о них подкатывала тошнота. Обиднее всего было вычеркнуть из меню красную икру и маринованные грибы.

Перебрав баночки и, ориентируясь по запахам, Наташа заварила себе чай. По кухне поплыл аромат малины и чабреца, терпкий и слегка кисловатый. Она снова разулась и, распо-

ложившись на крыльце, достала дневник.

Солнце коснулось края забора и заалело, воздух помутнел и насытился запахами, чай давно остыл, а Наташа всё сидела, обдумывая записи Рыжика. Невольно бросила взгляд на участок за сеткой – сосед так и не объявился, а значит, об интернете пока можно забыть. В качестве развлечения остаются книги и дневник.

А если бы она вела подобные записи, какая бы получилась история, и была бы она интересна постороннему человеку? Вряд ли, получилось бы что-то циничное, пропитанное разочарованием и злостью. Кому нужна такая горькая пилюля?

Обычно такое стараются обойти в разговорах и в жизни, если встречается в ленте социальных сетей – пролистнуть. Своих проблем хватает. Вот и Никита не смог принять новость о её болезни. Ушел даже раньше, чем начались, собственно, испытания. Когда ей только поставили диагноз «онкология», он вроде как поддержал, говорил, что вместе они со всем справятся. Но его глаза потухли. Он испугался, причем больше, чем сама Наташа. Этот страх пропитал воздух в квартире и висел невысказанными словами, стоило им заговорить о планах на будущее. А планы были большие. Видимо, поэтому они рушились с таким грохотом.

Они жили вместе уже два года, в Наташиной квартире. Оба крепко стоящие на ногах, оба в возрасте за тридцать – по мнению родителей Никиты, самое время завести детей, ну а по мнению Наташи – сначала надо узаконить отношения.

К этому все шло. На Новый год Никита сделал предложение, подарил кольцо. Он и раньше дарил украшения, прижизненным никогда не был. А тут расстарался. Нашёл действительно красивое кольцо с настоящим рубином. А сразу после длинных праздничных каникул пришли результаты биопсии.

Он старался. Правда старался. Улыбался и произносил ободряющие слова, но страх и неуверенность читались в каждом его взгляде, в каждой фразе. Он не верил в счастливый финал, ни для их отношений, ни для Наташи.

Сломался он за несколько дней до операции. Наташа видела, что с ним что-то происходит. Но в тот период ей точно было не до чужих переживаний. Со своими бы справиться. Никита молчал, о планах они больше не заговаривали, кольцо на пальце Наташи сигналило алым светом, напоминая, что совсем недавно их самой большой проблемой был выбор меню для будущей свадьбы.

Он помогал собирать вещи для госпитализации, на вопросы не реагировал. По пути в больницу сосредоточенно смотрел на дорогу. Последней каплей послужила небольшая забегаловка на повороте с названием «Раковая». Увидев вывеску, Наташа неожиданно расхохоталась, но смех почти сразу утонул в слезах и перерос в истерику. Никита тоже засмеялся. Ломаный, лающий смех, слишком наигранный, чтобы быть настоящим.

Он съехал на обочину и остановил машину. Перестал смеяться так же резко, как и начал. Не глядя на Наташу, обре-

ченно признался:

– Я не могу. Прости. Не могу. Это слишком.

Наташа молча ждала продолжения. Удивилась, но не сильно, подсознательно ждала этого разговора уже больше недели. Никита сдался раньше неё, и почему-то именно это послужило самой болезненной новостью: он не верил, что у неё есть будущее.

– Ты хочешь расстаться?

Никита повернулся. Нарочно избегая взгляда, стыдливо и пробормотал:

– Не могу. У тебя грудь отрежут. И волос не будет, совсем. Не могу тебя представить такой. Это ужасно.

Наташа хмыкнула.

– Может, и не только грудь. А волосы не самая большая плата за жизнь.

Он шумно выдохнул.

– Прости. Я буду помогать деньгами, если нужно, заберу из больницы, договорюсь с врачами. Но не могу. Вместе. Как раньше не могу.

Наташа опустила взгляд на кольцо, коснулась гладкого ободка.

– Вернуть?

Никита неожиданно разозлился.

– Ну что за глупости! Это подарок. Не нужно ничего возвращать. Ни кольцо, ни другие подарки.

– Хорошо. Когда меня выпишут после операции, тебя, на-

верное, уже не будет в квартире?

– Наверное.

– Поехали, – Наташа кивнула на дорогу в каком-то заторможенном оцепенении.

Но Никита не сдвинулся. Помолчал и снова попытался оправдаться:

– Не хочу тебя обманывать. Я не смогу делать вид, что ничего не произошло. Не смогу смотреть на этот шрам, а уж касаться тем более. И волосы... – он с болезненной нежностью провёл по длинным прядям Наташи и тут же отдернул руку. – Прости.

Наташа кивнула. Не заплакала, не попросила подумать и не начала умолять. Просто промолчала, даже истеричные слёзы после «Раковой» высохли. Тогда она просто не до конца поняла, что произошло, а может, верила, что Никита передумает и вернётся. Ну не может же человек на полном серьёзе вот так бросить в такой сложный момент? Тем более она не просто коллега или соседка, а любимая женщина. Любимая же? Собирался жениться и детей завести. Да и вообще, жестоко это и малодушно.

Это позже она узнала, что может, и не только Никита. Мужчины бросали своих жён, уходили из семей, заводили любовниц, уезжали в длительные командировки. Потому что не справлялись с этой ношей. Проще было отойти в сторону. Лысая женщина без груди, химически или хирургически кастрированная, разве женщина?

А ведь Наташа его долго оправдывала, а стоило просто сразу признать, что он слабак. Жестокий, эгоистичный слабак. Бросить в такой ситуации всё равно что добить утопающего веслом. Он её и добил. Его неверие в будущее пробралось в неё как радиация, незаметно, но убийственно. Она радостно улыбалась и убеждала всех, что это просто жизненный этап, она всё преодолет, но не верила в это. Ночами её накрывало душной паникой, она редела, глядя в потолок и отгоняя страшные мысли. Наташа сама не заметила, как начала жить так, будто завтрашний день не наступит. Стала транжирой. Начала покупать дорогие платья, питаться в кафе, позволять себе траты, на которые обычно откладывала не один месяц и ждала повода. Как бы ни старалась выглядеть стойким оловянным солдатиком и улыбаться в лицо невзгодам, она не верила и жутко боялась.

Ей нужна была поддержка, а не пинок в пропасть. Она похоронила себя раньше времени, а сверху придавила трехтонной виной. Психолог удивился, что она пытается оправдать Никиту и винит себя в разрушенных отношениях. Будто этот диагноз – её собственный выбор. Она прошла через это одна, без его помощи, хоть он и обещал отвозить, когда нужно, в больницу или помогать деньгами. Кольцо она продала, не потому что нуждалась, «виртуальные деньги» ещё не закончились. Просто, видя это украшение, вспоминала не то, как он сделал предложение, а как бросил её напротив забегаловки с дурацким названием «Раковая». Она до сих пор злилась

и не могла его простить. Психолог много раз ей говорил, что это непощение убивает именно её, Никите, в принципе, всё равно, он давно самоустранился. Она кивала, соглашалась, но продолжала злиться. Только психологу об этом не говорила.

Его она вообще часто обманывала, не слишком прислушивалась к советам, порой откровенно лгала. Почему же продолжала ходить и отдавать за консультации немалые деньги? Это был единственный человек, с которым она обсуждала свою болезнь. Для остальных она осталась сильной несгибаемой Наташей, даже немного циничной, но уж точно не раздавленной предательством и виной.

Ирония в том, что грудь ей всё-таки не отрезали. Шрам, конечно, остался, но посветлел и не выглядел уродливым. Новая стрижка ей шла даже больше, чем шевелюра до пояса, брови и ресницы отросли. Кто не знал, через что ей пришлось пройти, никогда бы не догадался, что больше года она ходила в онкоцентр как к себе домой. Все позади, но почему же воспоминания до сих пор горчат и колются? От них, как оказалось, не так-то просто убежать. Даже здесь, на краю света, среди молчаливых подсолнухов и тикающих часов, боль страх и злость не отпустили её.

Кажется, ей тоже нужен подорожник, только не для коленки, а для души.

3 глава. Нинка, почтальон, тропинка

Моё сердце разбито. Нет, не Лилей. Лиля никогда бы так не поступила. Сейчас могу об этом написать и даже размышлять, а не просто выть на луну от обиды. Неужели я настолько не понимаю людей, что не смог распознать притворство Нины? Мама говорит, что я о людях думаю лучше, чем стоит, слишком уж доверчивый. Наивный простачок, блин! Лошара, проще говоря. Реально, даже имбецилу понятно, что для неё это было летним приключением, ничего серьёзного, а я себе напридумывал, чуть в любви ей не признался. Хорошо, папа потом охладил мой пыл и пояснил, что гормоны и не такие мысли могут подкинуть. В его интерпретации это, конечно, звучало грубее: «Ты просто повёлся на бабу, как кобель. Возраст такой».

Вот почему одно и то же событие так по-разному видится с разных точек зрения? Что там у другого человека в голове – хрен поймешь. А он и не скажет. Догадайся по жестам, взглядам. Как говорит папа: если женщина убеждает, что она не обиделась, сто пудов обиделась. Прав ты или виноват, на всякий случай проси прощения. Да и не в женщинах дело. Их я реально не понимаю, рано мне, видимо. Зато теперь я целованный. Жаль, что это была не Лилия.

Вспомнил, как в первом классе учительница попросила маму задержаться и, когда все разошлись, отчитала меня. Рассказала, что после столовой, я выкидываю на улицу хлеб. Вот такой я неблагодарный и невоспитанный засранец. Я тогда глупо тарасился и понять не мог, за что меня ругают. Маме было жутко стыдно, способность totally краснеть мне досталась от неё. Она и стояла перед учительницей, алая и пристыженная, каясь за мои прегрешения, кивала и обещала, что обязательно проведёт со мной душевную беседу.

По дороге домой она сокрушалась, что я её опозорил, и вообще, выкидывать хлеб нельзя. Я не спорил. Нельзя, конечно. Но я не выкидывал. Сбирал в столовой тот, что не доели, и кормил собак при школе. Жили у нас две дворняжки, их даже охранник не гонял. Лохматые, игривые, а в глазах – вселенская тоска. Я их подкармливал. Котлету и макароны в карман не положишь, а хлеб вполне. Мама выслушала меня и сразу же перестала ругать, даже потрепала по макушке – а у неё это однозначный жест одобрения.

Вот я и задумался, с точки зрения учительницы – я гадёныш, разбрасывающий хлеб по двору, с точки зрения мамы – сострадательный ребёнок, а с точки зрения собак – вообще лучший друг, может, даже божество с безграничными запасами хлебных корок.

Вот так и с Ниной. Я влюбился, а она поиграла с доверчивым щенком. Ладно, по порядку. Маме на работе выдали

путёвку в детский лагерь. Не «Артек», конечно, попроще, «Кавказ» под Сочи. Но такой же затерявшийся во времени и лесах с советским духом и обязательной зарядкой по утрам. Мама так осторожно предложила, сразу начала уговаривать, будто я мог отказаться.

А я даже не раздумывал! Отдых на море, почти месяц? Конечно, да! Несмотря на историю с Ниной, я ни о чём не жалею. Такие яркие впечатления, наверное, и с годами из памяти не вытравишь. Причём то, что меня там раздражало, спустя три недели видится офигенным. Все эти ежевечерние театральные постановки, соревнования отрядов, купание в море по свистку... А Баян Баяныч? Это же мамин дорожка! Чуть ли не каждый день мы пели песни про дружбу, море и этот самый «Кавказ» под аккомпанемент баяна. Хором! Казалось, Баяныч следит за нами, и стоит появиться свободной минутке, выскакивает словно из-под земли. Весь такой восторженно-оглушительный и внезапный.

– Пока стоите, давайте вспомним нашу любимую про «Кавказ»!

И мы вспоминали. Нехотя, порой перевирая слова, но пели. А к концу смены я выучил весь его репертуар наизусть и вдохновенно орал громче всех. Дикое ощущение общности, да и возможность покричать офигенная.

Я боялся, что кормить будут тушёной рыбой и киселем, лагерь-то оздоровительный. А кормили вкусно, и порции такие были, что даже у меня впалости превратились в выпук-

лости. Ещё нас водили на процедуры. Тоже, как оказалось, ничего страшного, прикольное всего было дышать фиолетовым воздухом, ну и массаж. Балдёж это, хотя сначала, увидев тётку с ручищами-кувалдами, я напрягся, приготовился ползти в сторону выхода. Она цапнула меня за ногу и заставила лежать смирно. Оказалось, не страшно. Поначалу напрягало, что меня касается посторонний человек, а потом я прибалдел и чуть не уснул.

Меня так пёрло от всей этой общественной лагерной суеты, что я сам вызвался рисовать стенгазету, хотя в школе своих художественных способностей едва наскребал на тройку. Ну и Нина. Я участвовал везде ещё и для того, чтобы быть рядом с ней. Она выделила меня в первый же день. Тогда уже нужно было задуматься. Были в нашем отряде пацаны «папиной» разновидности с бицухами и даже почти усами. Что-то у них там колосилось под носом и кололось на подбородке. Я до сих пор не бреюсь и не строю иллюзий насчёт своей конопатости. Почему же я?

Нина, кстати, на свои двадцать тоже не тянула. Ростом с меня, никаких выдающихся объёмов, ещё и стрижка короткая. Полная противоположность Лили. Та такая девочка-девочка. Даже сравнивать их странно и как-то стыдно. За себя стыдно. Словно я предал свою большую любовь к Лиле, так легко и просто влюбившись в другую девушку. Не ожидал от себя такого. А ещё говорят, что люди, даже когда притворяются, в душе всегда знают, на что они способны. Я себя уди-

вил, конечно. Буду знать, что я, оказывается, очень влюбчивый.

Нину с однокурсниками отправили в «Кавказ» проходить летнюю педагогическую практику. Она это называла «сослали в лагерь» и часто жаловалась, что не купила себе оценку, а реально сунулась в эту тюрьму. Блин, да ей, походу, скучно было, вот она и поиграла со мной. Спустя время кое-что видится яснее и почти не больно, скорее обидно.

Она говорила, что я прикольный и смешной. Что со мной весело. Прикольный? Игривая собачка, что ли? Она щекотала меня и все время спрашивала: есть ли у меня девушка? Нет бы соврать, а я все вывалил. Больше всего её позабавило, что я в шестнадцать лет ни с кем не целовался. Да с кем бы я целовался? Она же видела меня. Рыжий и щуплый, а после первых же дней на пляже – повсеместно красный, фрагментами без шкуры. Если бы не Нина, может, я бы до тридцати лет проходил нецелованным. Естественно, я опозорился. В первый раз стукнулся с ней зубами, все не мог пристроить руки. Казалось, если сдвинусь немного, она посчитает меня слишком наглым, ещё шорты вздулись, что Нина, конечно, заметила.

После первого поцелуя мы стали уединяться везде, где можно и где нельзя. Я приходил к ней в комнату, когда там не было других вожатых, поджидал за поворотами коридоров, а как только темнело, поцелуйным становилось любое место. Мы рисковали и, честно говоря, обнаглели. Флирто-

вали и касались друг друга чуть ли не под носом у старшей вожатой и начальника смены. Её могли уволить, и ничем хорошим соблазнение пионера бы не закончилось. Тем более её однокурсники догадались довольно быстро. Скорее всего, сами были заняты тем же – соблазняли пионерок. Не знаю, как они отреагировали на нас с Ниной, мне ничего не говорили, только смотрели многозначительно и, как мне теперь кажется, с жалостью.

Как я не хотел, чтобы все это заканчивалось! Не буду хитрить, я надеялся на большее. Нина точно не вела себя как скромная барышня, позволяла пощупать и сама распускала руки. Какие же у неё холодные пальцы и острые ногти. Брр. Но дальше ничего не случилось. Правда, вчера во дворе я сказал совсем другое. Когда Саня стал хвастать рассказами о тренировочных сборах футболистов, я не сдержался и выложил краткий пересказ на тему: «Как я провёл лето». Соврал. Сказал, что с Ниной мы переспали.

А про позорную поездку не сказал ни слова. Когда смена закончилась, Нина уехала, а накануне ночью потискала меня до искр в глазах. Вот тогда я чуть не признался ей в любви. Придурак. Я уезжал в этот же день, но позже. Несколько часов бродил в трансе, прокручивая в голове все, что было с Ниной. Страдал, скучал, выл.

Оказавшись дома, совсем расклеился. Только о Нине и думал. Папа это заметил и вызвал на мужицкий разговор. А мне так хотелось о ней поговорить, что я все и выложил. Ещё

и добавил, что влюбился.

Разница в возрасте папу не смутила. Он вообще про это ничего не сказал. Сразу перешёл к делу.

– У тебя адрес есть?

– Есть. Перед отъездом Нина написала его на фотке. Но, пап, это так далеко.

Папа фыркнул.

– Далеко? Не смей меня. Километров двести, не больше. Только скажи, точно прям торкнуло, хочешь её увидеть?

Я не сомневался.

– Хочу!

– Собирайся. И цветы купи. Какие она любит?

– Понятия не имею.

– Значит, купим красные розы – классика.

И мы реально поехали в тот же день, сначала заскочили в музыкалку, предупредили маму. Папа в этот раз меня не сдал, про Нину не упомянул. Что-то наплёл про друга и срочную поездку за деталями. Цветы купили по пути. Чем ближе подъезжали, тем сильнее меня трясло от нетерпения и едва сдерживаемой радости. Папа поглядывал в мою сторону и многозначительно цокал языком. Немного полечил мозги насчёт того, как следует с ней говорить и как себя вести. У него, правда, советы не слишком отличаются разнообразием, всё в рамках «удивляй, наглей и тащи в пещеру».

Нужный дом нашли быстро, станица небольшая. Только вот меня ждало вселенское разочарование. По адресу, что

дала Нина, жила пара пенсионеров и ни о какой Нине они не слышали. Я не сразу поверил в такой охрененный облом, обошел ближайшие дома, надеялся, может, она ошиблась или я неправильно прочитал цифры. Но нет. Не ошиблась. Она намеренно дала другой адрес, потому что для неё все уже закончилось, ещё там, в лагере. Она не планировала продолжения и даже не хотела, чтобы я ей писал. Представляю лица старичков, если бы они получили моё письмо. А я себе напридумывал большую любовь, воображал, как она удивится и обрадуется моему приезду. Преодолеl расстояние и сделал сюрприз – настоящий мужицкий поступок.

Не могу сказать, что мир рухнул, и рухнула моя вера в женщин, но я был ошарашен. Папа, конечно, молодец. Это я без сарказма. Он не стал злорадствовать или, что ещё хуже, утешать. Купил мне бутылку пива. Приняв мою взрослую мужскую печаль, предложил самое действенное лекарство, с его точки зрения. И, конечно, рассказал очередную историю из своей шальной юности. У него подобных баек целый чердак. Некоторые со временем меняются, в них появляются детали, которых не было раньше. Если сначала он спасал одноклассницу от собаки, то спустя пару лет – от своры собак. Это же была очередная история о качельных отношениях родителей. Сначала я не сильно прислушивался, главное, что он так был занят собственными воспоминаниями, что от меня требовалось только кивать.

Чтобы поразить маму, папа взял у друга байк и подкатил

к ней, когда она выходила из консерватории. Такой весь крутой, в кожанке и с цепями. А мама отказалась сесть на мотоцикл и при всех его отшила. Для папы это было ударом по самолюбию и вообще жутко обидно. Он так старался, а она унизила его и показала, что он ей не пара. Тут я прислушался, потому что знал эту историю от мамы. В тот день она была в коротком платье и постеснялась при всех садиться на мотоцикл, потому что пришлось бы задирать ногу. Вот и всё. А папа придумал себе грандиозную обиду. И это ещё один повод задуматься, что чужая душа не то что потёмки, а битумный мрак.

Потом он рассказал про гормоны. Добавил, что если я пошёл в него, то мне суждено порой путать секс с любовью. Я не в него, кстати. Внешне очень похож на маму, и вообще, нет во мне этой самоуверенной простоты. Я Рыжий. Наивный, доверчивый и влюбчивый придурок. Права Лопата.

На обратном пути я уснул. Сначала притворялся, чтобы не обсуждать свое фиаско. А потом на самом деле задремал.

Цветы подарили маме, не пропадать же добру. Она в сотый раз напомнила папе, что любит белые хризантемы, но букет взяла и выглядела довольной. Покраснела в этот раз от затаенной радости.

Вот такой я лошара. Мне реально казалось, что я нравлюсь Нине. Разве можно так целовать и обнимать, если пофиг? Она и нежности всякие говорила. В основном подшучивала, называла меня апельсином, считала веснушки на но-

су и до засосов целовала в шею. Зачем всё это было? Раз-
ве можно так достоверно притворяться? Нинка-скотинка!
Ненавижу девушек с короткими волосами!

Наташа отложила дневник и, проведя пальцами по стри-
женому затылку, усмехнулась. Нинка-скотинка потрепала
Рыжему нервы, а на самом деле ничего особенно не случи-
лось. Для Нинки так точно. Действительно, летнее приклю-
чение с забавным пареньком. Она себе явно представляла
щенячий восторг влюбленности, который горел в его глазах.
На такое нельзя не купиться, и для Наташи точно не было
секретом, почему эта бессердечная Нинка выбрала Рыжего.
Правда, разница в возрасте её смущала, она бы вряд ли об-
ратила внимание на мужчину младше. Желательно старше
и лет так на пять. Слишком древней и уставшей она себя по-
рой ощущала. Даже ровесники последнее время ей казались
незрелыми и слишком восторженными.

Наташа взяла дневник и уже собралась уходить в дом, ко-
гда увидела на дороге мужчину с сумкой через плечо. И он
явно шёл в её сторону. Даже издалека его пламенеющая ше-
велюра выделялась на фоне сочной изумрудной зелени по-
лей. Надо же, Рыжий!

Наташа спустилась по ступеням во двор, не забывая вы-
глядывать индюка. Это уже вошло в привычку, как про-
верять время на телефоне или заправлять за уши несуще-
ствующие пряди. Где-то ходит её сердечный приступ, а зна-

чит, осторожность не помешает. Она подошла к калитке и остановилась. Упираясь сложенными руками в перекладину, молча смотрела, как приближается рыжий незнакомец. Высокий, плечистый и в очках. Последняя деталь придавала его несколько медвежьему облику налёт интеллигентности.

Он остановился у соседнего дома и принялся копать в сумке. Не поворачиваясь, хотя пристальное внимание к своей персоне, конечно же, заметил. Сунув корреспонденцию в ящик, наконец развернулся, сияя широкой улыбкой.

– Привет.

– Привет, – Наташа впервые забыла о своём нежелании знакомиться с местными и даже улыбнулась в ответ, хотя несколько напряженно. А вдруг этот тот самый Рыжий?

Он приблизился к калитке. Остановился в двух шагах и немного смущенно попросил:

– Угостишь холодной водичкой? Жарко сегодня.

Наташа отмерла, чуть отступила.

– Угощу. Только у меня не холодная. Обычная.

– А в колодце холодная, – незнакомец показал взглядом куда-то за её спину. – Кузьма.

Наташа недоуменно переспросила:

– Кузьма?

– Меня так зовут. Я местный почтальон. А тебя Наташа, я уже знаю. Все о тебе знают. Как тебе дом, кстати, деревня?

Наташа пожала плечами.

– Нормально. Тихо, спокойно.

– Спокойно?

– Ну да. Дом последний на улице, впереди сплошные виноградники, сзади лес, а сосед в отъезде. – Она спохватилась: – Погоди. Ты же воды просил. Сейчас.

Оставив Кузьму у забора, она вернулась в дом. Взяв на кухне ковш и эмалированное ведро, обошла веранду. Колодцем явно пользовались, но вот крышка ему бы не помешала, а так ещё непонятно, что там плавает. Может, это кладбище рассеянных индюков, и раньше их тут стадо бродило, стался один, обзлѐнный одиночеством. Подцепив ведро, Наташа опустила его вниз на верѐвке, услышав гулкий всплеск, немного подождала и подняла. Набралась всего треть воды, но, слава богу, чистой и, судя по запотевшему ведру, ледяной. Зачерпнув ковшом, она оставила ведро у колодца и вернулась к калитке. Кузьма ждал её, обмахиваясь листом лопуха. Смотрел, как она приближается, склонив голову, явно любопытствовал и не скрывал этого.

Наташа даже немного смутилась. Не привыкла, чтобы на неё так глазели, знала, что не тянет на леди-вампи. Невысокая, теперь ещё и исхудавшая, а в сочетании с короткой стрижкой она напоминала скорее подростка, стащившего у мамы взрослую одежду. Немного выручали яркие серьги и каблукки. Но сейчас она была босая, а на ушах оставила только серебряные каффы с тонкими цепочками.

Передав ковш над калиткой, она предупредила:

– Вода ледяная.

Кузьма словно не услышал, начал пить жадно, большими глотками. У Наташи свело зубы от одного взгляда на этот процесс. Он же не маленький, должен понимать, что так можно простудиться, да и вообще, в мозг ударит.

Так и случилось. Кузьма допил до дна и, прижав большой палец к переносице над перемычкой очков, сморщился.

– Жжёт, будто в лоб копытом получил.

Переждав болезненный спазм, он тряхнул головой и снова улыбнулся.

– Так ты надолго в наших краях?

– Не знаю ещё, – Наташа все не могла избавиться от фантастического предположения, что это может быть тот самый Рыжик, неосознанно симпатизировала новому знакомому и въедливо рассматривала. Заметив её интерес, Кузьма даже приосанился. В вороте рубашки виднелась густая рыжая поросль, торс немного раздался, потерял гибкость, но вся это основательность хорошо вписывалась в облик рыжего медведя. Наташа задумалась. Если это дневниковый Рыжий, то он, видимо, питался не просто местным жирным молоком, а ел коров целиком. Хотя, может, наконец-то пошёл в папу полуклассического качка и просто перерос подростковую угловатость.

Она отвела взгляд и не очень вежливо добавила:

– Глушь тут, конечно. Для отпуска подходит, а для жизни вряд ли.

Кузьма отреагировал как Вика, искренне обиделся за по-

селок.

– Вообще не глушь. С тех пор как глава открыл при винодельне комплекс для туристов, к нам из города едут на экскурсию по подвалам и виноградникам. И это только начало!

Наташа равнодушно пожала плечами.

– Интернета нет.

Кузьма бросил взгляд на соседний дом.

– Луку попроси. Он таким занимается. Ноутбук я у него чинил. И в школу он интернет наладил. Это как бы его работа.

Наташа ухмыльнулась. Кузьма, Лука – что за имена? Словно из сказок.

– Его нет.

– Значит, скоро приедет. Попроси. Он тебе по-соседски, бесплатно, сделает.

Наташа видела, что Кузьма мнётся, не хочет уходить, но не знает, о чем говорить. При такой выразительной мужской внешности у него точно не было проблем с досугом. Видимо, она его заинтриговала, как что-то новенькое. Судя по всему, на местных барышнях он уже обкатал свою харизму, поэтому его потянуло на городскую тощую экзотику.

– Попрошу. Ты, случайно, не знаешь, чей индюк?

– Какой индюк?

– Бродит тут один агрессивный индюк и раздает инфаркты.

Кузьма вскинул рыжие брови, оглядел двор за плечом На-

таши.

– Индюк, значит? А, кроме индюка, все... обычно?

Наташа сразу же закрылась, словно моллюск захлопнулась в раковине. О своих галлюцинациях и их причинах ей рассказывать не хотелось.

– Обычно.

– Помощь хрупкой девушке не нужна? – вежливо и игриво предложил Кузьма.

Наташа сразу вспомнила о ревизии сарая.

– Нужна. Нашла тут старый велосипед со спущенными камерами. Не знаю, к кому обратиться за помощью. Есть в вашей деревне мастерская?

Кузьма фыркнул.

– Я сам почию. Только инструменты с собой в следующий раз захвачу.

Наташа на несколько секунд задумалась и нехотя кивнула. Велосипед ей не мешает, а Кузьма не вызывал раздражения. Пока только интриговал. Можно сказать, ему повезло, что он рыжий.

– Буду благодарна.

Она сделала шаг назад, показывая, что беседа закончена. Но Кузьма всё ещё стоял, будто ждал приглашения в дом или продолжения разговора. Переступив с ноги на ногу, разочарованно вздохнул.

– Ну ладно, я пошёл. Увидимся позже, – снова замаялся, – у велика.

– Пока.

До вечера Наташа снова мастерила украшения и то и дело возвращалась мыслями к почтальону. Это в пятнадцать лет она, как Рыжий, сомневалась в себе и могла распознать симпатию, а сейчас трезво оценивала флирт Кузьмы. Она ему понравилась. Он ей, в принципе, тоже. Яркий мужчина. Но пока она ему доверит только велик, сюда она приехала не за любовными приключениями.

На закате она закончила бусы из турмалина – больше метра чёрных гладких бусин. Подгоняла себя с какой-то мистической уверенностью, что нужно успеть до последнего солнечного луча, и сама же злилась, что в голову лезет такая чушь. Это всё деревня, задурили ей тут голову разной чертовщиной. Она надела бусы на шею, покрасовалась перед зеркалом. На розовом шёлке они смотрелись аппетитно, словно ягоды чёрной смородины. Не зря у неё фамилия такая – Смородина.

Вечер как-то незаметно перешёл в ночь. Стемнело, Наташа включила свет на кухне и снова села за доску для браслетов. Не заметила, как задремала прямо за столом, сложив руки поверх рассыпавшихся бусин. Проснулась от шагов и мужского голоса. Снова кто-то недовольно бурчал и топал. В этот раз она даже слова чётко расслышала: «Нет покоя, ни тут, ни там».

Окинув кухню расфокусированным взглядом, Наташа снова прислушалась. Голос доносился с улицы и звучал ещё

чётче. Она неожиданно разозлилась, бешеный индюк, неугомонные голуби и летучие мыши вполне вписывались в антураж Старолисовской, но люди тут были лишние. Людей Наташа не то чтобы не любила, скорее недолюбливала.

Она поднялась и вышла на веранду. Почти минуту смотрела на круглую луну в тёмных оспинах. Словно зачарованная, обошла двор, следуя за голосом. На границе между садом и лесом приостановилась и ойкнула от удивления. За деревьями стоял мужчина. Высокий и какой-то нездешний. В белой рубашке с отложным воротником и щегольских светлых бриджах. Он смотрел на Наташу немного высокомерно и удивленно, будто это он среди ночи увидел в своём доме незнакомку.

Она сделала шаг и снова остановилась.

– Вы кто?

– Это вы кто? – в ответ поинтересовался мужчина. Не дожидаясь ответа, развернулся и скрылся в лесу, словно нырнул в чёрную воду.

Луна и мигание светлячков мало подходили для иллюминации. Но темнота не пугала. Наташа неуверенно приблизилась к дереву, у которого, стоял мужчина. Оглядела пяточок травы. Наверное, надеялась ощутить потусторонний холод, или что там ещё оставляет после себя полтергейст, но следов не было. Только оглушающая тишина. Она неловко хихикнула и потерла глаза. Неужели этот мужчина, как и суслик, плод её больного воображения? Сощурившись, она взгляде-

лась в темноту и с удивлением обнаружила, что ночь не такая уж и плотная. Между деревьев виднелась тропинка, обозначенная зелёными светящимися гнилушками, прямо как взлётная полоса огнями. Только линия светящихся точек была не такая чёткая и немного хаотичная. Мерцающая тропинка.

Наташа, не раздумывая, двинулась вперёд. Шла по дорожке, выставив руку и ощупывая пространство.

– Эй! Вы тут?

Лес зашуршал, где-то в глубине встрепелась птица, но вопрос остался без ответа.

Наташа резко остановилась, едва не шагнув в воду. Зависла в наклоне, размахивая руками и пытаясь удержаться от падения. Выровнявшись, сразу же отступила назад. Вроде ушла недалеко, а умудрилась добраться до реки. Теперь явно слышался плеск волн и стук лодки о сваи мостков. Вот теперь ей стало немного не по себе. Она могла свалиться в чёрную воду и утонуть, кто знает, что там за омуты на дне? Искать её не стали бы. Ну, может, Мира заволновалась бы, что срок аренды затянулся. Родных Наташа предупредила, что исчезает на лето, и просила не беспокоить звонками. И снова её страх был какой-то смазанный, больше рассудочный. Она понимала, что должно быть страшно, нервничала, но не боялась на самом деле. Потому что страшнее того ужаса, что приходил к ней по ночам, ничего не испытывала.

Наташа прошла вдоль берега и уже хотела повернуть назад, когда заметила, что деревья на другой стороне реки пы-

лают. Точнее, не сами деревья, а что-то за ними. Совершенно точно яркий движущийся свет был пожаром. Ярким и масштабным, но абсолютно бездымным. Ни запахов, ни треска. Только языки пламени, выглядывающие из-за макушек неподвижных и зеленеющих деревьев. Природа затаилась, не реагировала на опасность, будто огня и не существовало, и видела его только Наташа.

Может, это вообще сон?

Наташа постояла в нерешительности. Не могла придумать, звать на помощь или просто вернуться в дом и уже признать наконец, что ей стоит не психолога посетить, а психиатра. А может, лучше ущипнуть себя и проснуться.

Обратно она вернулась так же быстро, только ступила на дорожку, прошла пару метров, как увидела свет, оставленный на веранде. Мерцающая дорожка словно пролегла где-то вне времени, как короткая дорога Миссис Тодд³.

Вернувшись в дом, Наташа сняла бусы. Вот так засыпать, сидя в неудобной позе, ей приходилось нечасто. Когда она спала, бусины впечатались в грудь и руки, теперь оставили следы на коже.

Приняв прохладный душ, она переделалась в ночную сорочку и вышла на веранду. Все-таки хорошо она придумала обустроить тут спальное место. Сегодняшнее полнолуние забелило комнату светом, прогулка, к сожалению, сбива дремотное состояние. Наташа долго глядела в окно на луну.

³ Рассказ Стивена Кинга.

По привычке она откинула несуществующие волосы на подушку, чтобы ночью не путались, и горько усмехнулась. Тут же вспомнила дневник Рыжика, и усмешка превратилась в улыбку. Ненавидит он девушек с короткой стрижкой.

– Нинка-скотинка.

Вместе с ночью пришёл обездвиживающий страх. Как бы Наташа ни гнала его, он возвращался. Вот бы просто нажать кнопку и выключить сознание, а утром открыть глаза и встретить новый день. При солнечном свете этот страх подкрадывался редко, но бывало и такое. К сожалению, с течением времени легче не становилось, хотя Наташа вдохновенно лгала психологу, что он ей помог принять диагноз.

Она и сейчас не верила в слово «ремиссия» и жила скорее по инерции. А ведь вначале думала, что всё это быстро закончится, и она снова вольётся в привычную жизнь. Да она даже планировала полноценно работать между курсами химии. Наивная камчатская девочка.

После операции Наташа не подозревала, что всё только начинается. Прятала голову в песок не просто как страус, а как землеройка. Старалась не читать ничего, связанного с онкологией. Но, как назло, эта информация лилась отовсюду и попадалась в самых неожиданных местах: в ленте, в книгах, в новостях, в случайно подслушанных разговорах. Кажалось, все так или иначе столкнулись с этим или пережили потерю. Наташа психовала и бросала смотреть фильм, как только там упоминался рак. А сколько книг закрыла толь-

ко потому, что у главных героев этому недугу очень уж часто были подвержены родственники! Авторы словно сговорились и принялись косить своих второстепенных персонажей, а иногда и главных.

К сожалению, в очереди к врачу избегать разговоров не получалось. Наташа делала вид, что читает, но не могла сосредоточиться и невольно слушала. Так она и узнала, что на семнадцатый день после первого курса химиотерапии выпадут волосы, а значит, к этому лучше подготовиться заранее. Снимать с головы длинные пряди просто жутко, уж лучше самой обрезать их хотя бы до короткой стрижки. Наташа не могла представить себя с такой причёской. Она всю жизнь ходила с длинными волосами и втайне гордилась ими.

Она до последнего оттягивала этот момент. Когда кожа головы заболела, так сильно, будто вся превратилась в ноющий синяк, Наташа поняла, что дальше тянуть нельзя. Кажется, волосы уже собрались от неё уходить, а потому так болезненно расставались с корнями. Лучше самой их остричь, чем увидеть проплешины, а потом оставить скальп на подушке и забить шевелюрой слив в ванной. Это даже хуже, чем линяющая кошка. Пуходёркой дело не спасти.

Она долго расчёсывала волосы, глядя на себя в зеркало, они уже не блестели, но казались как никогда красивыми. Наташа швырнула расчёску на пол. Почему-то стало стыдно, что ей так жалко волос. Это же волосы! Отрастут в конце концов. Разве об этом нужно переживать? Но именно тот

день стал для неё переломным, словно она впервые поняла, какой страшный диагноз ей поставили. Не день операции, не день, когда пришли результаты гистологии, а день вынужденной стрижки. Обычно женщины бегут в парикмахерскую за кардинальными изменениями в надежде на перемены или чтобы их закрепить, у неё же не было выбора. Перемены сами пришли, не спросив, отобрали Никиту, здоровье и волосы.

Она схватила ножницы и отрезала большую прядь у самого виска. Потом, не останавливаясь, кое-как остригла всю голову. Рвано, неаккуратно и безжалостно. Взяла бритву и сбрила всё, что осталось, только потом оглядела себя в зеркало. Каким уродливым и нелепым ей показалось собственное отражение. Шишковатая голова, почему-то торчащие уши, хотя она никогда не была лопухой. Но с лысой головой они смотрелись несуразно. Если и есть женщины, которым идет такая оригинальная причёска, то это не про нее.

Наташа провела по гладкой прохладной коже головы и печально усмехнулась.

– Хорошо хоть не каре.

На второй курс химиотерапии она поехала в косынке. Врач её не узнала, а медсестра едва не выгнала из кабинета, заявив, что нет такой в списке, понаехали тут со своими болячками, а им теперь лечить. Наташа настолько опешила от такого приветствия, что даже не стала спорить. Молча выслушала едкий поток ругательств, а расплакалась уже

позже, в одиночестве. Ей досталось и за то, что она «вырастила» свою опухоль, оказывается, холила её и лелеяла, а теперь припёрлась отнимать драгоценное время у врачей. Хуже откровенного пренебрежения и обвинений в халатности были только отвлеченные беседы врача и медсестры прямо в кабине во время приема, когда за дверью сидела огромная очередь приехавших на химиотерапию. Так Наташа полчаса слушала о том, как шьются ростовые мягкие куклы и как тяжело их упаковывать в коробку, а в следующий раз узнала, как по выкройкам из старых журналов крючком связать кардиган.

Сначала она пыталась спорить, оказалось, что это бессмысленно и всегда приводит к её истерике, врачу же явно доставляло удовольствие унижать, а потом с барского плеча допускать к химии, будто без этой прелюдии пациенты не могли в полной мере осознать, куда попали. Несколько раз при Наташе обсуждали пациентов, которые уже не придут на прием. Не потому, что они вылечились, а потому, что им больше это не надо. С каким-то изощренным цинизмом они рассказывали об умерших от онкологии в присутствии тех, кто боролся за жизнь.

Каждая поездка на химиотерапию была испытанием в первую очередь из-за химиотерапевта. С медсестрами Наташа сразу нашла общий язык – шоколадный. Они и без того делали свою работу хорошо, но так чаще улыбались. Она приезжала с полной сумкой шоколадок и раздавала их на-

право и налево. Посоветовал это действенное средство двоюродный брат Костя. О диагнозе знали только он и тётя. Родителям Наташа так и не сказала. Не хотела их волновать. Когда-то, четырнадцать лет назад, Наташа вместе с тётей переехала в Краснодарский край из холодного Камчатского, да так и осталась жить на Кубани. С родителями виделась раз в год, сама к ним летала. В тот раз просто пропустила встречу. Планировала выбраться осенью, подлечив нервы и отрастив волосы.

Костя сильно удивился, что Наташа без его напоминаний не распихивала шоколадки. Про то, что Никита сбежал, поджав хвост, он тоже узнал не сразу. Не мог понять Наташиной скрытности, он-то делился всеми событиями в своей жизни почти сразу же, как они случались. Ему всегда требовалось как минимум три мнения и три точки зрения. Порой он утомлял своей говорливостью и желанием все обсудить, но умудрялся промолчать, когда это действительно было необходимо. Родителям Наташи он не проболтался, принял её нежелание делиться страхом.

К счастью, таких врачей, как химиотерапевт, больше не было. Почти год Наташа буквально жила в больницах и с таким отношением больше не сталкивалась. Да, врачи бывали раздраженные, уставшие, со странным чувством юмора или очень занятые, но в большинстве случаев оставались людьми.

Наташа снова провела ладонями по голове и, ощутив мяг-

кость вьющихся волос, улыбнулась. Ей обещали кудри. В детстве она о них мечтала. И теперь кажется, мечте суждено осуществиться, но какой ценой! Вот уж точно «бойтесь своих желаний».

4 глава. Музыка, Зигога, призрак

Ну я и козлиный кобель! Стыдно писать. Опять всё повторилось, как с Нинкой, только год спустя. Самое смешное, что и Нинка была не первая. Саня напомнил, что я и раньше постоянно влюблялся в девчонок, а потом быстро остывал. Саня так и сказал про них, «мои разлюбленные». Вот про Саню и про Лилю я и хочу написать. Он ведь тоже в неё влюблён, правда, у него стаж меньше. Мы с ним даже спорили об этом. Он уверяет, что ещё в садике обратил на неё внимание. Чёрта лысого! Я помню, что он её только в пятом классе заметил. Так что я был первый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.